

БЕСТСЕЛЛЕР SUNDAY TIMES

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Нужно уметь
читать знаки...

КЛЭР ДУГЛАС

Клэр Дуглас
Исчезновение
Серия «Главный триллер года»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243483
ISBN 978-5-04-191669-5

Аннотация

В небольшом городке графства Уилтшир находится Коридор Дьявола – дорога, ставшая свидетелем жутких событий, от необъяснимых смертей до звуков детского плача по ночам. Однако самая загадочная история произошла здесь двадцать лет назад: четыре девушки ехали с вечеринки и попали в аварию. Когда одна из пассажиров, Оливия, очнулась, кроме нее в машине не было ни души. Остальные три девушки бесследно исчезли, растворившись во мраке ночи.

Двадцать лет спустя журналистка Дженна Халлидей прибыла в город, чтобы сделать подкаст в честь годовщины трагедии. Разумеется, особый интерес для нее представляет Оливия – как единственная выжившая. Но та отказывается говорить, а местные очень недовольны тем, что Дженна приехала ворошить прошлое...

Содержание

Авария	5
Первый день	10
1	10
2	20
3	26
4	30
5	34
Второй день	40
6	40
7	45
8	58
9	67
10	76
11	84
12	89
13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Клэр Дуглас

Исчезновение

The Girls Who Disappeared Copyright

© Claire Douglas, 2022

All rights reserved.

© Кривцова Е. М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Авария

Ноябрь 1998 года

Они пели, были слегка пьяны и очень счастливы. Вот что чаще всего вспоминала Оливия. Как счастливы были ее подруги.

Салли сидела спереди. Она всегда ездила там. Говорила, что на заднем сиденье ее укачивает. Конечно, как лучшая подруга Оливии, она и должна была там сидеть. Салли без умолку болтала о Мэле – парне, который ей нравился. Он наконец позвал ее на свидание. Оливию это совсем не удивляло: парни постоянно крутились вокруг Салли, включая и бойфренда самой Оливии – Уэзли. Салли притягивала их огромными темными глазами и веселым характером. Ухаживания Уэзли даже стали поводом для трений между подругами. Больше они эту тему не обсуждали. Во имя дружбы.

Салли говорила высоким возбужденным голосом, но Оливия плохо ее слышала из-за включенного радио и усиливающегося с каждой минутой дождя.

Тамзин и Кэти ехали на заднем сиденье; под глазами слегка растеклась тушь, из-под тонких, не по погоде, пальто выглядывали яркие блестящие топики. От них исходил аромат духов и спиртного. Девушки, обнимая друг друга за шею, на-

певали песню «Спайс герлз»¹ «Двое станут одним», как будто они все еще были в клубе.

Оливия переживала. Подруги обещали ей, что не будут пить слишком много. Это Тамзин всех сбила с толку. Оливия видела, как она заказывала в баре двойные порции виски. Стояла там с распущенными по плечам светлыми крашеными волосами, явно рассчитывая, что найдется желающий заплатить за ее выпивку... Обычно так и случалось. Она была красивая, но не так, как Салли, – более вызывающая и дерзкая, в ярком топике и юбке, еле прикрывающей попку.

Когда Оливия заезжала за подругами, дождя еще не было. Моросить начало спустя несколько минут после того, как они вышли из клуба. Но сейчас лило так, что она едва видела дорогу. Вода сбегала ручейками по краям лобового стекла, ухудшая видимость, хотя «дворники» работали на пределе. Темная лента шоссе уходила в бесконечность. Туман повис кусками, как сухой лед, и даже дальний свет не давал хорошей видимости.

Оливия весь вечер пила единственный стакан вина, поскольку сегодня была ее очередь сидеть за рулем. Но сейчас, когда сильный ветер пытался сбить ее маленький «Пежо» с дороги, казалось, что выпитое горит в глубине горла.

Оливия никогда не волновалась за рулем, хотя получила права всего несколько месяцев назад. Однако сегодня все было по-другому. Она терпеть не могла эту дорогу даже в

¹ «Спайс герлз» – британская женская поп-группа, образованная в 1994 г.

хорошую погоду. Коридор Дьявола шел прямо через лес, и высокие деревья с обеих сторон выглядели очень мрачно. Чуть дальше были знаменитые Стоящие Камни, а за ними – маленький городок, приманивающий туристов огромным количеством необычных лавочек и кафе.

Дождь заглушал музыку. Капли воды с грохотом ударялись об асфальт. Оливия сжимала руль изо всех сил, у нее даже побелели костяшки пальцев. На заднем сиденье вдруг перестали петь, а Салли сделала радио погромче.

– Выключи ты его! – прокричала Оливия, и Салли молча послушалась. Темнота не позволяла Оливии увидеть лицо подруги, но она понимала, что та обиделась. Ей стало неловко – она не любила расстраивать Салли.

– Что за ночь! – воскликнула Кэти, хватаясь за подголовник водительского сиденья. – Посмотрите какой дождь!

– Можешь сесть нормально? – Голос Оливии звучал непривычно резко.

Кэти была старше остальных. Она являлась своего рода лидером в их компании и не любила, когда ей указывали. Но тем не менее откинулась на спинку сиденья, отпустив подголовник. Оливия представила, как подруга закатывает глаза, глядя на Тамзин. Девушки ехали непристегнутыми.

– Надеюсь, Мэл завтра появится, – попыталась Салли сгладить возникшее напряжение, но голос ее звучал подавленно. – Он сказал, что позвонит и... Черт! **ОСТОРОЖНО!** Посреди дороги кто-то стоял.

Все произошло слишком быстро. Оливия ударила по тормозам и крутанула руль. Машину занесло, развернуло; она перевернулась, с ужасным скрежетом проехала на крыше по асфальту и улетела в кювет. Оливия услышала крики подруг; сильная боль в ногах заставила ее потерять сознание.

...Когда она пришла в себя, машина стояла на колесах. В салоне царила мертвая тишина, нарушаемая лишь стуком ее сердца. Часы на приборной панели ярко мигали, показывая час десять. Сколько времени она пролежала без сознания?

«О господи, господи... Они в порядке? Ранены? Я сбила человека?»

Оливия попыталась повернуться и закричала от боли: ногу зажало перекосившимся рулем.

– Салли? – Девушка повернулась к пассажирскому месту, но оно было пусто. Где Салли? Попробовала заглянуть на заднее сиденье, ожидая увидеть там Кэти и Тамзин и заранее пугаясь, что они погибли. Однако их тоже не было.

Она была в машине одна.

Оливию охватила паника. Подруги пошли за помощью? Но здесь совершенно безлюдно. У Кэти ведь есть мобильник, розовая «Нокия», которой она так гордилась. Из всей компании у нее была самая хорошая работа – помощник фармацевта. Можно было бы вызвать полицию и «Скорую» по телефону... Их сумок тоже не было. Не было вообще никаких следов их недавнего присутствия. Но они не могли уйти и бросить ее. Кто-то точно остался бы. Например, Салли, ее

лучшая подружка...

По мере того как боль и страх возрастали, Оливия начала дрожать. Она буквально заledenела, вспомнив, как случилась авария. Фигура на дороге... Сейчас там не было ни души. Шоссе уходило в темную пустоту.

Кто там стоял?

И куда делись подруги?

Первый день

1

Дженна

Голосовое сообщение: Понедельник, 26 ноября 2018

Коридор Дьявола – весьма подходящее название для длинной прямой дороги, которая ведет к небольшому торговому городку Стаффербери в Уилтшире. В течение многих лет отсюда поступали сообщения о странных событиях: необъяснимые аварии, загадочные самоубийства, неожиданное появление фигур в капюшонах, детский плач в ночи... Но самое таинственное происшествие случилось двадцать лет назад. Три молодые женщины исчезли из разбитой машины, и больше их никто никогда не видел...

Останавливаю запись на телефоне и осматриваюсь. Действительно, в этой дороге есть что-то зловещее. Ее проложили прямо через лес. С обеих сторон шоссе обрамляют густые хвойные деревья: они почти дотягиваются до свинцового неба и исчезают в разбухших черных тучах. Я стою на обочине последние десять минут, и за это время мимо про-

ехали всего две машины. Наверное, так должна выглядеть Скандинавия, а не центральная часть Уилтшира.

Краем глаза замечаю, что через пассажирское окно на меня смотрит мужчина. Видимо, он вышел из леса. На вид ему слегка за пятьдесят, может, чуть больше. У него мрачное лицо с неопрятной бородой и лохматыми бровями, торчащими из-под рыбацкой шапки. Он одет в тяжелый дождевик, достигающий до середины ноги; держит на поводке кудлатую собаку на трех лапах и с коричневой повязкой на левом глазу. Собака выжидающе смотрит на меня. Я вздрагиваю и нащупываю газовый баллончик. Кладу его рядом с собой на сиденье, слегка придавив бедром.

Мужчина жестом просит открыть окно. Я чуть опускаю его, но держу руку на кнопке стеклоподъемника. В нос ударяют запахи хвои и нестираной одежды.

– Вам помочь?

– Я сам хотел об этом спросить, – говорит он с сильным западным акцентом. Замечаю, что у него нет переднего зуба. – Машина сломалась? Здесь не стойте. Одной на этой дороге вообще-то опасно.

Слышу раскаты грома и рычание каких-то зверей. Совсем неудобно.

– Я... – Не уверена, что ему надо знать, что я журналистка. – Просто еду в Стаффербери.

– Заблудились?

– Нет. Остановилась... ну мне надо было кое-что сде-

лать... – Понимаю, что ответ получился весьма туманный.

– Ладно. – Он хмуро и подозрительно оглядывает мою новую «Ауди Q5», прежде чем снова уставиться на меня. У него очень темные, почти черные глаза. – Что ж, Стаффербери где-то в двух милях отсюда, по этой дороге, прямо. Мимо не проедете.

– Отлично, спасибо.

Я быстро закрываю окно, чтобы предотвратить дальнейшие вопросы. Берясь за рукоятку переключения скоростей, вижу, что руки дрожат. Так резко трогаюсь с поросшей травой обочины, что покрышки визжат. Вижу мужчину в зеркале заднего вида: он продолжает стоять на том же месте и неотрывно смотрит вслед моей удаляющейся машине.

Чувствую себя немного спокойнее, когда добираюсь до Стаффербери. Городок именно такой, как на черно-белых фотографиях, которые я подробно изучила, прежде чем приехать сюда из Манчестера. Он практически не изменился с 1890 года, а Стоящие Камни, разумеется, стали еще старше. Они сразу бросаются в глаза. Камни стоят справа от меня, на болотистом поле, раскиданы полукругом на расстоянии примерно пяти метров друг от друга. Огромные и безобразные, как неровные зубы. Непохоже, что это одно целое, как Стоунхендж. Даже на расстоянии видно, что их поверхность поросла чем-то зеленым.

Я наблюдаю за семейством в ярких дождевиках – дети в прикольных резиновых сапогах с маленькой собачкой на по-

водке перелезают через заборчик, чтобы попасть к камням. Интересно, что сказал бы об этом Финн? Мой десятилетний, вечно растрепанный сын... Я так сильно хочу его увидеть, что мне физически больно. С тех пор как мы разъехались с его отцом, мне приходится бывать вдали от него. У меня нет выбора, у нас совместная опека. Ненавижу это. Как будто отбирают часть меня самой.

...Мейн-стрит имеет форму подковы. Военный мемориал делит ее на две дороги. По одной я сейчас въехала, а другая ведет из города, извиваясь между двумя средневекового вида домами. В одном из них, на углу, располагается паб со зловещим названием «Ворон». На вывеске у него большая черная птица со злыми глазами-бусинками. У меня от нее мурашки бегут по телу. Навигатор показывает, что дорога, пройдя через окраину, ведет за город.

Я собираюсь жить в лесу. В домике, который на сайте бронирования смотрелся красиво и современно. Но перед тем как направиться туда, нужно взглянуть на Мейн-стрит, поэтому я сознательно игнорирую нужный мне поворот и теперь двигаюсь обратно. Я проехала через город. У него праздничный, рождественский вид. Я рассмотрела маленькие лавочки, продающие разные украшения, в том числе ювелирные, и благовония. В одном из тюдоровских зданий обнаруживается кафе под названием «У Би». Еще я вижу несколько магазинов одежды, лавочки с разноцветными «вареными» футболками и юбками с бахромой. Заведение «У

мадам Тоуви», которая способна предсказать будущее (если верить большой вывеске, украшенной картой Таро). Симпатичный городок, маленький и спокойный, со старинными зданиями, мощеными улочками и рождественскими огоньками, поблескивающими в окнах. Понятно, чем он привлекает туристов, пусть даже вид у него слегка захудалый. Возможно, летом все выглядит более живым, открытым. В конце концов, сегодня холодный ноябрьский понедельник, и людей на улице мало.

Как по команде, начинается дождь, прямо ливень; он барабанит по крыше машины. Вижу, как молодая пара забегает в ближайший магазин. Они держатся за руки и хихикают, а я испытываю приступ зависти. Когда-то мы с Гевином были такими же. Объезжаю военный мемориал. Камни теперь виднеются слева. Снова еду по направлению к Мейн-стрит и зловещему Коридору Дьявола, но не более чем в полумиле от поля сворачиваю на грунтовую дорогу, ведущую в лес. Попав на нее, думаю, не слишком ли в удаленном месте я поселилась? Может, стоило просто заказать недорогую гостиницу в самом городе?

...Меньше чем через полкилометра я оказываюсь около небольших одинаковых домиков, построенных специально для отдыхающих. Они похожи на дачные поселки в «Центр Паркс», вокруг буковые деревья, сосны и ели. Я притормаживаю, чтобы рассмотреть название домика. «Ферн». Мне нужен «Блюбелл», но где он, я не представляю. Вдалеке сто-

ят еще два или три других, но их плохо видно из-за сильного дождя и густых деревьев. Когда я разговаривала по телефону с Джеем Нэптоном, владельцем, он объяснил, что проект еще не закончен, и по лесу разбросана только половина построек. А еще мне показалось, что цель моего приезда произвела на него впечатление.

Я пробираюсь по мокрой грязной дороге. Очень надеюсь, что в ближайшем домике сейчас кто-нибудь живет. Мне не очень хочется быть в лесу одной. Подъехав к следующему домику, притормаживаю и пытаюсь рассмотреть название на серой входной двери. «Блюбелл». С чувством облегчения останавливаюсь на въезде. Выхожу из машины, и каблуки проваливаются в дерн. Ай да я! В лес на каблуках! Слава богу, в машине лежат резиновые сапоги. Какое-то время стою перед домом, не обращая внимания на дождь. Пальто намочило, волосы тоже. На меня навалились воспоминания о семейной поездке в «Центр Паркс» в прошлое Рождество. Финн так радовался – говорил, что мы живем в «лесном домике»... Сердце сжимается при мысли, что, возможно, мы никуда больше не поедem втроем, не проведем вместе Рождество. Теперь Финн будет либо со мной, либо с отцом, а со временем еще и с его новой пассией. Я не сомневаюсь, что скоро у Гевина появится подруга, если уже не появилась. Почему бы еще четыре месяца назад он вдруг заявил, что ему необходимо «собственное пространство» вне нашего брака? А ведь мы женаты пятнадцать лет. Нашим отношениям – де-

вятнадцать. Для чего еще ему переезжать в студию рядом с офисом?

Эта не та жизнь, которую я себе рисовала. Не то будущее, которого я ждала.

Мне обидно. Я злюсь, что у меня отобрали жизнь, которая мне нравилась. Злюсь, что разбита наша маленькая семья. Не этого я хотела для нашего сына. Для себя. Временами у меня появляется желание сделать Гевину очень больно, наказать его, запретить видеться с Финном. Это гложет меня. Но я понимаю, что так поступать эгоистично и несправедливо. Я это знаю. И никогда так не сделаю. Хотя эта злость... Я глубоко вздыхаю. Соберись, Дженна. Гони такие мысли прочь. Не надо постоянно к ним возвращаться. Ты здесь по делу. Сейчас поворотный момент в твоей карьере, нельзя позволить эмоциям все загубить.

...Я возвращаюсь к машине, открываю багажник и вытаскиваю из него свой большой портплед². Он тяжеленный, и я проклинаяю себя за то, что взяла так много вещей. Это всегда бесило Гевина, который умеет обходиться самым малым. Я же люблю брать с собой все, что может пригодиться; никуда не уезжаю, например, без щипцов для волос... Достаяю из тайника в крылечке ключ. Вхожу. Тепло и уютно. В прихожей стоит вешалка для одежды, мягкая скамеечка, плетеная корзинка для обуви. Я вешаю мокрое пальто и усаживаюсь на скамеечку, чтобы снять сапоги.

² Портплед – мягкая дорожная сумка для постельных принадлежностей.

Внутри дом даже лучше, чем на фото, – белые стены, деревянный пол, он должен быть с подогревом. Современного вида диван, в форме буквы «L», с рыжеватой обивкой, коврики из овечьей шерсти, уютные пледы, подушки. На стене матерчатая голова оленя, на рогах которого висит гирлянда из разноцветных лампочек. Финну понравилось бы. В гостиной камин, рядом с ним в корзинке дрова, а за диваном притаился небольшой обеденный стол. Белая глянцевая кухня смотрит на подъездную дорожку. В ней столешница из серого камня, стол-остров и высокие табуретки с хромированными ножками. Рассматриваю гаджеты. Едва ли я смогу включить модную аудиосистему (Гевин сразу сообразил бы, что к чему). Новомодный нагреватель для воды, керамическая плита – пугающий хай-тек. Я привыкла к старой микроволновке. Иду через гостиную в спальню. Она большая, в ней же находится вход в ванную. Бросаю сумку на широченную двуспальную кровать, стараясь не думать про сына и про то, какой восторг у него вызвало бы это место.

Возвращаюсь в гостиную, достаю мобильник. Крупным планом фотографирую голову оленя – послать Финну. Потом открываю входную дверь и снимаю лес, стоя на крыльце. Получилась атмосферная фотография леса во время дождя – он как-то чуть округляет острые края деревьев. Багровый свет, поднимающийся сквозь ветки, придает изображению дополнительный оттенок. Выложу его в инстаграм³. Он

³ Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и

подогреет интерес к подкасту, когда тот будет готов.

Идея подкаста принадлежит мне. Как только статья о старой аварии легла на мой стол несколько месяцев назад, меня захватила мысль разузнать все об этом случае. Удивительно, что за исключением сообщений конца 1990-х и начала 2000-х, дело было предано забвению. Я поняла, что должна в этом разобраться. Не просто отделаться куцей статейкой в три абзаца на сайте Би-би-си по поводу двадцатилетней годовщины происшедшего, а как следует все изучить. К счастью, мой редактор, Лейла, согласилась, что это интересно для нового стриминга. Меня отправили сюда, чтобы собрать побольше информации и записать максимально возможное количество интервью. Когда я вернусь в Манчестер, Лейла поможет мне отредактировать материал. Мы планируем сделать шесть выпусков. Я работаю репортером уже семнадцать лет, но волнуясь, потому что никогда не занималась подкастами.

...Закрываю дверь и иду на кухню. Бросаю телефон на столешницу, стою у окна и смотрю на лес, стараясь не думать о том, как красиво и угнетающе он выглядит. Домика напротив почти не видно из-за деревьев, но его узенькое окошко светится теплым сиянием. Это успокаивает. Я рада, что все-таки не одна в этом лесу.

Завариваю чай и кипячу воду в модном нагревателе. Мысленно благодарю хозяина за то, что оставил мне молоко,

хлеб, масло и чай в пакетиках. Сажусь за стол, достаю бумаги из сумки, раскладываю их перед собой. Я распечатала старые сообщения из газет от ноября 1998 года, когда пропали три девушки, и фото основательно пострадавшего белого «Пежо 205», принадлежавшего Оливии.

Лает собака. Это вырывает меня из размышлений, и я встаю, чтобы посмотреть в окно. Вижу фигуру с крупной немецкой овчаркой на поводке. Трудно понять, женщина это или мужчина, потому что на человеке пальто с острым капюшоном, завязанным под подбородком. Кто бы это ни был, он высокий. Я подхожу поближе и облакачиваюсь на мойку, чтобы получше его разглядеть. Фигура несколько секунд стоит под дождем, рассматривая мой дом. Потом поворачивается и уходит в лес. Собака тянет его за собой.

Я закрываю шторы, возвращаюсь к своим бумагам и стараюсь не обращать внимания на тени, пляшущие на стенах. Пытаюсь забыть, что я совершенно одна в этом странном месте, где происходят зловещие события и исчезают люди.

Оливия

Сильный дождь барабанит по плащу, когда Оливия наклоняется, чтобы рассмотреть копыто пони. У нее болит нога – как, впрочем, всегда в такую погоду. Оливия знает, что, как только она поднимет тяжелую ногу Сабрины, боль в собственной сразу же усилится, если она не поторопится. Конюшню освещает единственная лампочка, ее слабый мигающий свет едва позволяет ориентироваться. Правда, свет особо и не нужен. Она может сделать все с закрытыми глазами.

После аварии Оливия с большим удовольствием общается с лошадьми. Они, в отличие от людей, надежны. Не подведут, не осудят, не рассердятся, не станут тобой манипулировать. Не ответят грубостью, не втянут в неприятности. Ты чувствуешь себя спокойно. Как только Оливия восстановилась после аварии, она окружила себя лошадьми. Это было несложно, учитывая, что ее мать владеет единственной в городе школой верховой езды и прокатом лошадей. С той роковой ночи Оливия ни разу не садилась за руль, но по-прежнему ездит верхом. Только в седле она ощущает себя свободной.

Женщина не слышит шагов матери, пока та не оказывается рядом с ней. Мрачное лицо. Недоуздки перепутались и переброшены через плечо. Она спрашивает:

– Ты в порядке, дорогая? Выглядишь усталой. Может, на сегодня все?

– Я почти закончила.

– Хорошо. Я здесь все доделаю и поставлю запекаться картошку в мундире. Ты сегодня встречаешься с Уэзли? – Короткие волосы матери будто приклеены к голове, что делает ее похожей на персонажа из «Лего». Капля дождя стекает по ее лицу и повисает на кончике носа.

– Нет, сегодня нет.

– Отлично. Можем посмотреть *«Это мы»*⁴.

Как раз то, что нужно Оливии. Уютно устроиться, вкусно поесть, посмотреть любимое шоу... Отличный способ уйти от действительности.

Мать направляется к сараю. Раздается ржание Сабрины, из ноздрей у нее идет пар. Оливия прижимается головой к шее пони. Ей нравится запах лошадей, их теплый влажный аромат. Она снимает с Сабрины хомут, проводит несколько раз щеткой по ее бокам и набрасывает ей на спину попону. В голове проскакивает – помнит ли мать, что в среду годовщина аварии?

Двадцать лет... Даже не верится. Иногда кажется, что это случилось вчера. А иногда – что сто лет назад.

Теперь, когда мама ушла в дом, двор выглядит темным и зловещим. Ей пора бы привыкнуть, но не получается. Никогда не получится. Темнота пугает ее, в этом все дело. Так

⁴ «Это мы» – американский сериал, выходивший с 2016 г.

было всегда. Может быть, если б она вела себя храбрее в девяносто восьмом, если б она тогда сказала правду, ее подружки сейчас были бы здесь...

Оливия выходит из конюшни с фонарем в руках.

– Спокойной ночи, мои дорогие, – шепчет она, закрывая дверь. Ветер треплет ее куртку.

Она направляется к сараю. Тихо и темно. Мать, вероятно, уже в доме. Оливия с тревогой смотрит на решетчатые ворота. Они далеко. Аварийное освещение выключено, и дом манит единственным ярким окошком. Темнота угнетает и заставляет дрожать. Дождь усиливается, громко стучит по железной крыше конюшни, будто выбивая какую-то ритмичную мелодию. Оливия поглубже натягивает шапку. «*Я хожу здесь каждый вечер*» – напоминает она себе (хотя нередко мать дожидается ее на улице). Сегодня все как обычно. Неважно, что в среду годовщина, а в течение последних недель ей кажется, что в городе что-то происходит. Оливия повторяет все это снова и снова и торопится к воротам, стараясь идти как можно быстрее. Свет фонаря освещает мокрую от дождя дорожку.

Добравшись до ворот, она открывает задвижку. Ворота грохочут, и вдруг прямо перед ней из темноты возникает белое лицо. Оливия вскрикивает и отпрыгивает в сторону.

– Лив, не будь идиоткой, это я, – произносит знакомый голос. Уэзли. Это просто Уэзли. Конечно, это он. У него большой зонтик; он вытягивает руку вперед, чтобы прикрыть ее

от дождя. — Ты, бестолочь, промокла до нитки, — говорит он и заботливо обнимает ее за плечи, прижимает к себе так сильно, что ей трудно дышать. — Я постучал, и твоя мама сказала, что ты все еще возишься тут.

— Что ты тут делаешь? — Оливия перекрикивает шум дождя. — Я думала, у тебя выходной.

Он ведет ее к дому, дождь хлещет ей в лицо.

— Хотел тебя увидеть... Разве это преступление? Чертова погода!

Оливия кивает, хоть этого не видно в темноте, и облокачивается на него. Ее голова едва достает ему до плеча. Ей нравится, что он такой высокий и крепкий, хоть его рука и обнимает ее за талию слишком крепко. Внезапно она с некоторым ужасом осознает, что Уэзли поддерживает ее на протяжении последних двадцати лет. Удивляется, что он все еще рядом. Все эти двадцать лет они просто встречаются. Наверное, такие отношения вполне устраивают его... Она много думала об этом. С момента аварии в ее жизни ничего не происходит, ничего не меняется. Она как будто застряла на одном месте, не может двигаться дальше, не может оставить в прошлом то, что произошло. Поэтому нет ничего необычного в том, что их отношения с Уэзли тоже не меняются. Наверное, странно, что они не женаты или просто не живут вместе. Но она заслуживает именно такой жизни. Она здесь, а ее подруги — нет...

Они молча подходят к странному дому ее матери, оказы-

ваются под стеклянным навесом, где чувствуется легкий запах резины. Уэзли резко распахивает дверь, над головой раскачивается одинокая лампочка. Они входят, оставляют снаружи шум дождя и ветра. Оливия чувствует звенящую тишину.

– Как твоя нога? – спрашивает Уэзли, складывая огромный зонт и засовывая его в угол. Спицы отделяются от ткани.

Оливия потирает коленку. Больно так, что хочется плакать.

– Думаю, мне надо выпить таблетку. – Она плюхается на скамейку, и Уэзли помогает ей разуться. Оливия и сама может снять ботинки, но знает, что ему приятно чувствовать себя полезным. После аварии она была полгода в коляске, и Уэзли ее опекал: возил по улицам Стаффербери, защищал от ненужного внимания и неприятных слов окружающих.

Он по-прежнему делает это.

Его серьезные голубые глаза смотрят на нее, рот плотно сжат. Наклоняется, берет ее руки в свои.

– Я говорил с Ральфом, – голос у него мрачный, – и пришел тебя предупредить.

– Предупредить меня?

– Тут крутится журналистка, разнюхивает что-то... Не забудь, о чем мы договорились. Хорошо? Никаких интервью. – Поскольку она не отвечает, Уэзли повторяет более резким тоном: – Я сказал, хорошо?

Он сжимает ее руки еще крепче, и Оливия чувствует себя

как животное, попавшее в ловушку.

Подавив беспокойство и сомнения, она кивает:

– Хорошо.

Дженна

Уже давно за полночь, а я сижу за кухонным столом, уставившись на старые фотографии и статьи. Я выпила уже не одну чашку чая и бокальчик теплого вина, привезенного из Манчестера. Гевин никогда не одобрял подобного. Он трезвенник. Смотрю на пустой бокал. Теперь все это не имеет значения. Гевина здесь нет, и я могу пить столько, сколько захочу. Однако это не радует. Вздыхаю и убираю бумаги, которые рассматривала. В глаза бросается заголовок: «ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕВУШКИ: ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ПРОПАВШИМИ?». Это заказуха пятилетней давности, замаскированная под отчет о расследовании. Большинство фактов выглядят вырванными из статей того времени. Сомневаюсь, что автор когда-нибудь бывал в Стаффербери.

Я поднимаю очки, в которых читаю, на лоб и тру глаза. Чуть раньше после нескольких неудачных попыток, стоивших мне обожженного пальца, я смогла разжечь огонь в камине, и его тепло помогало чувствовать себя менее одиноко. Но теперь он погас, и в комнате прохладно и тихо. Слышно только как на улице продолжается дождь. Я кутаюсь в кардиган и встаю. Думаю, что возьму чашечку чая в спальню. Гевин хотел купить кипятильник «Кукер», когда два года назад мы делали ремонт в кухне. Я отказалась – сказала, что

мне нравится звук кипящей в чайнике воды. Я часто прокручиваю в голове этот разговор. Спрашиваю себя: изменило бы что-нибудь мое согласие купить этот дерьмовый «Кукер»? Если б я была помягче, меньше командовала... Если б не принимала все решения, связанные с ремонтом, самостоятельно, не убедила бы Гевина сделать шкафчики белыми, а остров угольно-серым... В глубине души я знала, что он хочет нечто более современное.

Глубоко вздыхаю и раздвигаю шторы. Домик напротив темный. Больше нет теплого света от узенького окошка, только мигает лампочка на въезде, чуть подсвечивая деревья. Человек, которого я видела несколько часов назад, все еще не вернулся. Я в полном одиночестве. По спине бежит холодок. Задерживаю шторы и отхожу от окна, держа кружку с чаем. Хочется домой, в Манчестер, на свою зеленую улицу, с цветущими вишнями в саду и старомодной кухней, которую я так люблю. Хочу вернуть свою жизнь с Гевинном и Финном. Хочу свернуться калачиком у себя в кровати воскресным утром, пить кофе, и чтобы разбросанные газеты валялись перед нами, а Финн уютно устроился бы между нами и играл на своем планшете. Я так тоскую по этой жизни, прям сердце ноет. Я ведь думала, что мы счастливы, что все у нас хорошо...

Я общалась с Финном по видео, а Гевин, хотя и маячил на заднем плане, не поздоровался и никак не отреагировал на меня. Он вернулся в нашу квартиру, чтобы присматривать за

сыном, пока я в отъезде. У меня стоял комок в горле, когда я видела его в доме, где ему и надо жить.

Беру свой чай и наконец делаю то, что опасалась сделать весь вечер – выключаю свет и иду в спальню. В ней чувствуется затхлость, как будто дом долго не проветривался, стоял пустой. Так и есть, видимо. Не думаю, что в ноябре много туристов. Я скидываю кардиган и ныряю в постель. Белые свежие простыни, пуховое одеяло сверху. Двухспальная кровать слишком широка для меня одной. В ее спинке есть лампочки. Я их не выключаю, но читать уже не могу, устала. В голове крутятся планы на завтра. Нужно собрать как можно больше информации для подкаста. Всего четыре дня... В эту минуту они представляются вечностью. Закрываю глаза, представляю маленького Финна рядом с собой. Я знаю, что он скучает по мне. К счастью, мама будет забирать его из школы и потом вместе с ним дожидаться Гевина с работы. В пятницу вечером мы увидимся. Эта мысль придает мне сил.

Завтра утром я встречаюсь с Брендой – детективом в отставке. Потом попробую навестить Оливию. Хочу застать ее врасплох, но, кто знает, будет ли она со мной разговаривать... После аварии Оливия провела несколько месяцев в больнице, перенесла множество операций на ноге. В итоге врачи спасли ее от ампутации, поставили какие-то металлические спицы. Она ни разу не давала интервью.

Верчусь, зарываюсь лицом в подушку. Надо заснуть. Я уже нахожусь в полудреме, когда слышу крик. Он такой громкий

и пронзительный, что прорывается в мое сознание и заставляет подпрыгнуть в кровати. Сердце бешено стучит, я вся в поту.

Что, черт возьми, это значит?

Еще один ледящий душу крик – и тишина. Слышу, как пульсирует кровь в голове. Вылезаю из кровати и иду к окну, раздвигаю шторы. Кто-то стоит у моей машины. Капюшон мешает как следует рассмотреть его лицо. Думаю, это тот же человек, которого я видела с собакой. Вызвать полицию? Хватаю с тумбочки телефон, но на улице уже никого.

Оливия

Оливия ворочается в кровати. Вглядывается в темноту, не понимая, что ее разбудило. В комнате холодно, потому что мать редко включает отопление. Окно дребезжит на ветру. Издалека доносятся тихое ржание и топот копыт. Оливия протягивает руку, чтобы обнять Уэзли, но его половина кровати пуста. Наверное, вышел в туалет. Она ложится лицом в подушку, стараясь снова заснуть. Но знает, что не заснет до возвращения Уэзли. Время идет, а его все нет. Она должна выяснить, куда он подевался.

Оливия медленно сползает с кровати, ощущая, как боль в левой ноге бежит от щиколотки к коленке. Прихрамывая, идет к двери. Коридор темный и пустой. В детстве он всегда казался ей зловещим: темные углы, скрипящие половицы... Спальня матери в другой части дома. Между их комнатами – ванная и еще ничья комната, где сваливают всякое барахло. Дверь в ванную приоткрыта, и видно, что Уэзли там нет. Может быть, пошел вниз? Вполне вероятно, что ему не спалось, но в таком случае он не стал бы слоняться по дому один – это ведь не его дом. Уэзли к таким вещам относится уважительно. И поэтому ее мать его любит. Возможно – так иногда ей кажется – больше, чем она сама.

Оливия со страхом смотрит на ступеньки. В течение девяти

ти месяцев после аварии она спала в гостиной. Сейчас, после многих лет операций и физиотерапии большую часть времени она может жить нормально. По крайней мере, физически. С помощью обезболивающих. Но лестница, особенно сейчас, – слишком тяжелое испытание для ее колена. Оливия приспособилась жить с постоянной болью. Были повреждены мышцы и нервы, но гораздо труднее справляться с душевной болью. Вина выжившего, сказал ей психотерапевт. Она одолела только пять сеансов, после которых так глубоко погрузилась в происшедшее, что пришлось бросить лечение.

Оливия вглядывается в темноту. Уэзли не видно. Наверное, пошел домой. Почему? Для чего бросать ее среди ночи? Чтобы вернуться в свою неуютную однокомнатную квартиру над мадам Тоуви? А перед уходом даже не разбудить ее, не попрощаться? Он никогда раньше так не делал. Она вспоминает их разговор перед сном. Шепотом, чтобы не разбудить мать, они проболтали не меньше часа. Разве она сказала что-то обидное? Или у него плохое настроение? Оливия по опыту знает: такое настроение может держаться неделю, но вроде вчера Уэзли не был ни злым, ни раздраженным; они заснули, обнимая друг друга...

Она разворачивается и идет в спальню. Уэзли – сильный человек от природы и умеет себя контролировать. К моменту аварии они были вместе чуть больше месяца. После несчастья Оливия с благодарностью положила на него, поражаясь тому, что этот замечательный человек по-прежнему хо-

чет быть с ней. Хочет ухаживать за ней. В школе он ей так нравился – темные густые волосы, яркие голубые глаза, уверенный в себе... Оливия подняла его на пьедестал, он же вообще не обращал на нее никакого внимания. Только когда они окончили школу и завершились его попытки завоевать Салли, Уэзли проявил к ней интерес. Теперь, когда он повзрослел, ей часто казалось, что его самоуверенность граничит с наглостью. Это нередко заставляет ее морщиться. Тогда, в молодости, он был ловким, забавным и пользовался популярностью, всегда проводил время в больших компаниях. Он и сейчас поддерживал отношения со многими из старых друзей. Уэзли учился классом старше и даже не подозревал о ее существовании. Сначала его заинтересовала Салли – с большими глазами лани, идеальной кожей, длинными шоколадными, блестящими волосами, которые никогда не становились противно кудрявыми от дождя, как ее собственные. Салли... Оливия жмурится, стараясь выкинуть из головы мысли о своей лучшей подруге. Она не может теперь думать о Салли, о Уэзли в подростковом возрасте, ни о ком из них. Это слишком больно, даже через столько лет...

Оливия мысленно возвращается к недавнему разговору с Уэзли. Как он настаивал, чтобы она не разговаривала с журналисткой или кто она там... Ему же не надо ее в этом убеждать. Почему он испугался, что разговор состоится? Он тоже всегда отказывался давать интервью, из уважения к ней. Но его сегодняшнее поведение заставило ее думать, что, вполне

возможно, не одна она что-то скрывает.

Неповторимый отдых

Стейс не выносила жару. Футболка и шорты прилипали к телу, а желудок крутило, будто она съела что-то не то. Стоило ей выйти из самолета, как она уперлась в жару, как в стену, и не смогла глубоко вдохнуть. Остальные радостно болтали. Лица их блестели от пота, желтая майка Мэгги потемнела под мышками. У Тревора на кудрявой голове красовалась соломенная шляпа, которую в Англии он не надел бы даже под угрозой смерти. Бледные до синевы ноги Мартина торчали из шортов цвета хаки. Ноги его она не видела со школы. И не могла заставить себя присоединиться к общему шутливому разговору с водителем микроавтобуса. Стейс понимала, что не должна была соглашаться на эту поездку... Ее убедил Джон-Пол.

– Но мы не можем себе это позволить, – говорила она, надеясь, что положит конец затее. Денег у них не было. Со всем. Отдых на далеких экзотических курортах не для них. И пусть. Ей нравилось, как они жили. Ходили каждую неделю в местный паб, заказывали пиццу, ели ее, сидя перед телевизором. Нравилась крошечная квартирка над прачечной, которую они снимали, и даже мокрое пятно на потолке над кроватью, похожее на бабочку.

Но Джон-Пол был другим. Стейс вспомнила, как они по-

знакомились полтора года назад. Он отличался от всех, именно это и привлекло ее. Чувствовалось в нем что-то экзотическое. Мама-испанка, католическое воспитание, жажда путешествий. Он задержался в ее жизни случайно, перекасти-поле, чудом оказавшееся рядом с ней. Ей нравилась некая поэтичность случившегося. Его речь с большим количеством метафор, аналогий, проникновенный голос, легкий испанский акцент... Как он сам про себя говорил – скиталец, странник. Но они влюбились, и она уговорила его остаться. Со временем стиль речи стал попроще, прекратились разговоры о творческих планах, появились «вареные» футболки. Но иногда Стейс видела в его глазах какую-то необузданность, как у прекрасного дикого животного, попавшего в клетку и отчаянно желающего убежать.

Джон-Пол сказал ей, что его друг Деррек переехал в Таиланд, нашел там какую-то непыльную работенку и теперь приглашает их пожить у него на вилле с пятью спальнями, с видом на реку. Говорил он это с каким-то отчаянным блеском в глазах.

– Нам просто надо найти деньги на билеты, и все. – Джон-Пол держал ее за руки. Его тон был умоляющий. – У меня немножко отложено. Представь, какая романтика! Тебе в Таиланде очень понравится. Это потрясающее место. Ты не видела ничего похожего на Бангкок.

С этим трудно было спорить, потому что она практически нигде не успела побывать. Стейс уступила. Ее соблазни-

ли рассказы про Юго-Восточную Азию. Она решила, что поедет. Может быть, это умерит на время его пыл путешественника и сблизит их? За последние шесть недель, с тех пор как Джон-Пол потерял работу, их отношения ухудшились.

– И еще Деррек спросил, не хотим ли мы захватить с собой каких-нибудь друзей, – продолжал Джон-Пол. Его карие глаза прямо светились.

Стейс сразу поняла, о каких друзьях идет речь. Он быстро с ними сошелся. Ребята, как он их называл, – Грифф, Тревор и Мартин. И их девушки – Леони, Ханна и Мэгги. С девочками и Мартином Стейс училась в школе и знала их всю жизнь. Они были как члены семьи.

Конечно, ребята были в восторге. На две недели оторваться от скучной работы, серого январского английского неба и бесконечного дождя! Все сразу бросились собирать вещи. И вот они здесь, на этом «празднике жизни», как постоянно говорили Леони и Ханна, держась за руки, как делали еще в четырнадцать лет.

По дороге к вилле было много новых ощущений, не только жара. Запахи – пахло одновременно рыбой, выхлопом автомобилей и чем-то сладким; шум тук-туков⁵, мотоциклов и машин, проносившихся мимо микроавтобуса. Виды – солнце, проглядывающее сквозь дымку, автотрасса, узкие дорожки

⁵ Тук-тук – моторикша, крытый трехколесный мотоцикл или мотороллер, предназначенный для перевозки пассажиров или груза.

к торговым палаткам, полуголые мужчины, ведущие слонов вдоль шоссе. Такого Стейс не видела никогда, и ей было страшно. Мэгги ехала, прижавшись носом к окну, то и дело выкрикивая что-то типа:

– Там слон на улице!

– Это буддийские монахи?

Когда они остановились у ворот виллы, Стейс почувствовала, что ее укачало. Джон-Пол, похоже, испытывал то же самое. Его энтузиазм вообще начал пропадать еще до отъезда из Великобритании. Но друзья были в таком восторге, что теперь Стейс не могла их подвести.

– Ничего себе! – восхищенно сказал Мартин. Он стоял перед въездом и обнимал Мэгги за худенькие плечи; его соломенные волосы торчали во все стороны. Тревор обмахивался шляпой, чтобы остудить лицо. Ханна прыгала в полном восторге и хлопала в ладоши.

– Ни фига себе! Мы будем здесь жить! – Ханна часто разговаривала восклицаниями. Даже Стейс, несмотря на то что была вся мокрая от жары, не могла не испытать потрясения при виде дома.

Перед ними были три одинаковые сияющие белые виллы. Величавые, с колоннами, напоминающие свадебные торты. Стейс никогда не видела такой красоты, у нее даже что-то екнуло в желудке. Может, здесь не так уж и плохо...

– Ничего себе! – снова сказал Мартин; он стоял с открытым ртом. – Не могу поверить, что мы будем жить тут.

– Откуда это может быть у друга Джон-Пола? – прошептала Мэгги. Ее волосы были не слишком аккуратно собраны в высокий пучок, но выглядело это стильно. Мэгги всегда была самая модная из них. Все поразились, когда она влюбилась в бледного, долговязого Мартина.

– Он наверняка какой-то преступник, – пробормотал Грифф себе под нос. Он всегда неплохо шутил, но эта шутка вызвала у Стейс легкий приступ паники. Они ведь ничего не знали об этом Дерреке. Джон-Пол рассказывал что-то туманное – мол, познакомился с ним во время путешествия, и с тех пор они поддерживали отношения. Говорил, что он слегка *saballerete*⁶, но было неясно, что имелось в виду. До приглашения пожить на вилле Стейс о нем никогда не слышала.

Дверь в средней вилле внезапно распахнулась. Все замерли и замолчали. Перед ними стоял высокий, худощавый человек с золотистыми волосами, в кремовой мягкой шляпе на голове, немного напоминающий Роберта Редфорда в фильме «Великий Гэтсби». За ним просматривался огромный холл с полированным полом. На мужчине была рубашка с распахнутым воротом и с закатанными до локтя рукавами, открывающими его загорелые мускулистые руки. В полной тишине молодые люди рассматривали эту прекрасную фигуру Адониса, и Стейс заметила, как Мартин крепко сжимает в своей веснушчатой руке ладонь Мэгги.

⁶ Джентльмен (исп.).

– Добро пожаловать на виллу «Чао Фрая Риверсайд», – сказал красавец, помахав рукой, как актер шекспировского театра. Он вполне мог бы им быть – настолько хорошо смотрелся между белых римских колонн перед виллой, похожей на свадебный торт. – Я – Деррек.

Второй день

6

Дженна

Голосовые заметки: *Вторник, 27 ноября 2018 года*

Прошлой ночью я практически не спала. После того, как увидела, что кто-то болтается около дома. Может быть, я слишком долго читала о странностях, которые тут творятся, и мне все показалось? Но местечко жутковатое — то, как падает свет между деревьями, как уединенно стоят домики, висящая тишина, которую нарушают громкие крики... Думаю, это были лисы. Мой рациональный ум пытается объяснить все чем-то естественным, но какая-то часть мозга задает вопрос: могут ли все эти истории быть реальными? Я прочитала, что в 2012 году двое мужчин целый день искали младенца у Стоящих Камней, потому что слышали его плач, но так и не нашли. Было много сообщений о фигуре в капюшоне, появляющейся в Коридоре Дьявола. Трудно понять, что правда, а что вымысел. Но разве мифы не имеют под собой реальное основание?

Я просыпаюсь в шесть утра. Сначала радуюсь, что благополучно пережила ночь. Но сразу расстраиваюсь, когда понимаю, что еще темно. Встаю и сажусь с чаем в кухне. До встречи с Брендой еще несколько часов. Вчера я так устала, что с трудом могла сосредоточиться на собранной до поездки информации. Беру в руки вырезки из старых газет, рассматриваю фото всех четырех девушек. Кэти, Оливия, Салли и Тамзин сидят за столом около паба, видимо в сумерках летнего вечера, молодые, одетые по моде девяностых.

Оливия хорошенькая, ей идет стрижка в стиле Рэйчел из сериала «Друзья», со светлыми прядками. Салли носит бархатную ленточку на шее и короткий топик. Она красавица, от нее нельзя отвести взгляд: темные, блестящие, почти черные волосы, огромные миндалевидные глаза, безукоризненная кожа... Симпатичная Тамзин с выбеленными волосами и миловидная Кэти с веснушками и русым каре. Беру другую вырезку. Заголовок: «МЕСТНЫЙ ЧУДАК АРЕСТОВАН». На фотографии – растрепанный мужик с бородой, его голова опущена. Меня привлекает имя. Ральф Миддлтон. Оно кажется мне знакомым. И я вдруг понимаю, что этот человек похож на моего вчерашнего собеседника в Коридоре Дьявола. В статье сказано, что именно он в ночь аварии нашел Оливию в машине, из которой она не могла выбраться, и вызвал полицию. В статье мало информации. Говорится только, что он живет один, с животными – целым зверинцем, – и что местные считают его странным. Надо будет взять у него ин-

тервью, но почему-то меня охватывает тревожное чувство, когда я представляю себя с ним наедине.

На половину восьмого запланирована видеосвязь с Финном. Знаю, что Гевин, вероятно, считает меня психом, потому что я все контролирую. Он много раз говорил, что сам может справиться с сыном, без моей помощи, большое спасибо. Не раз я выслушивала лекции на тему «я вполне дееспособный: все-таки управляю международной финансовой компанией». Но я не просто хочу убедиться, что Финн не забудет взять в школу завтрак или почистить зубы. Я скучаю по нему и хочу, чтобы он ушел из дома, зная, что я думаю о нем.

Финн появляется на экране сонный, зевает. Его каштановые волосы спутаны, челка стоит дыбом (как и у Гевина), и он все еще в своей любимой пижаме. Как мне хочется обнять его, почувствовать его милый, знакомый запах...

– Доброе утро, красавец, – говорю я в ответ на его гримасы. Его зеленые глаза поблескивают. – Спалось хорошо?

– Нормально. Сегодня контрольная по математике.

– Хм, невесело... Папа вчера помог все повторить?

Сын отрицательно качает головой.

– Не-а, он работал.

Сердце неприятно ноет.

– Нанна приходила? – Я так рада, что мама живет всего в нескольких кварталах от нас.

– Да, но она соображает в математике еще хуже, чем ты.

Постоянный объект для шуток в нашем доме – мое полное непонимание математики. Гевин же умеет обращаться с числами.

– Надеюсь, ты ей об этом не сказал? – смеюсь я. – Да, ты про Роло не забываешь?

Роло – наш черно-белый кот размером с небольшую свинью.

Надо обязательно попозже позвонить маме и узнать, как там Гевин. Моя гордость не позволяет самой спросить его, когда он уже насытится столь необходимым ему собственным пространством. Спросить, любит ли еще он меня, видит ли нас вместе в будущем. И хотя мне хочется кричать и злиться на него, требовать ответов, я изо всех сил стараюсь вести себя как взрослая. По крайней мере, в данный момент.

Откуда-то издалека слышен голос Гевина, зовущий Финна завтракать.

– Да, Роло в порядке, не волнуйся. Мне пора.

– Люблю тебя, мой маленький, – я посылаю ему воздушные поцелуи.

– Я тоже люблю тебя, мам, – отвечает он, и мое сердце обливается кровью. До недавнего времени я всегда была «малышкой».

Финн исчезает с экрана, но он не отключил видео, поэтому я вижу неубранную спальню и собранные из «Лего» фигурки персонажей «Гарри Поттера», гордо выставленные на полке. И уже собираюсь выключить связь, когда до меня до-

летает звук, от которого я замерзаю на месте.

Это смех незнакомой женщины.

Бренда Готорн живет в беленьком одноэтажном доме на холме, с видом на Стаффербери. Прохожу через деревянную калитку. По обеим сторонам от нее растут густые розовые кусты. Наверное, летом они великолепны, но сейчас – страшные и колючие. Дождь прекратился, и в лужах отражается холодное солнце. Я щурюсь. Надо было надеть темные очки. Несмотря на солнце, на улице холодно, дует противный ветер, и я рада, что на мне шапочка с помпоном. Постоянно думаю про тот женский смех. Почему у меня в доме какая-то женщина?

Бренда открывает дверь сразу. Она коренастенькая и невысокая, ниже меня. Ей около семидесяти, одета строго – юбка в складку, кремовая водолазка, косметики на лице нет. В ушах золотые сережки, которые не вяжутся с ее остальным туалетом. Лицо обветренное, чуть загорелое, очки в черной оправе, улыбающиеся глаза.

– Дженна, рада с вами познакомиться, – говорит она, крепко пожимая мне руку. – Входите, входите. – Я захожу в уютную прихожую. Из недр дома выбегает лохматая собака и тычется носом мне в ногу. – Не обращайтесь внимания на Симуса; он всех любит, правда, мой мальчик?

Я наклоняюсь, чтобы погладить пса.

– Что это за порода? – спрашиваю больше из вежливости.

Я люблю кошек.

– Там такая смесь!.. Точно знаю, есть что-то от овчарки.

Я прохожу за Брендой в маленькую кухню, из нее видно сад.

– Очаровательно!

Отсюда видны шпиль церкви и городские крыши. В доме чувствуется атмосфера одиночества; думаю, семьи у нее нет. Удобно устраиваюсь в плетеном кресле у окна и открываю приложение на телефоне, которое посоветовала мне Лейла. Бренда слегка пугается, когда я подключаю внешний микрофон.

– Вы не возражаете, если я все запишу? – Я ободряюще улыбаюсь.

– Конечно. – Ясно, что она думает совсем другое. – Вы, значит, хотите сделать подкаст? Я, честно говоря, не сильна во всех этих современных штуках...

Мне хочется сказать, что я тоже занимаюсь подобным впервые. Но молчу. Это будет непрофессионально.

Бренда осторожно садится в кресло напротив, слегка морщится.

– Проблема с бедром, – поясняет она и жестом приглашает попробовать круассаны и булочки на стеклянном журнальном столике. – Берите сами. Кофе хотите?

Я не отказываюсь, прошу черный, без сахара. Бренда наклоняется, чтобы налить мне чашечку. Очень хочется помочь, но боюсь ее обидеть. Поэтому налаживаю телефон и

ставлю на столик небольшой штатив. Вчера я проверяла, как все работает; звук записывается на удивление хорошо. Выбираю правильный угол наклона микрофона.

– Спасибо, что согласились встретиться... – Смотрю, как Бренда пододвигает ко мне чашку с кофе. – Мы, конечно, говорили по телефону, но очень приятно увидеть вас.

– Взаимно. – Она улыбается, облакачивается на спинку кресла.

Я рассматриваю комнату. Фотографий детей и внуков не видно. Нет и свадебных снимков. Никаких подсказок – на что похожа ее жизнь? Домик маленький, самый обычный, с красивым видом, хорошеньким садом, но он слишком далеко от города, высоко над его крышами. Она старается изо всех сил не смотреть на стоящую перед ней технику, взгляд сосредоточен на мне.

– Такой интересный и запутанный случай... Очень жалею о том, что не успела разобраться в нем до выхода на пенсию. Эти девушки прямо растворились.

– Вы могли бы точно вспомнить, что произошло той ночью?

Бренда делает глоток кофе.

– Звонок в службу экстренной помощи поступил примерно в час двадцать. – Говорит она уверенно, и я удивляюсь, что она помнит так хорошо детали. У нее же была, наверное, не одна сотня дел. Просто именно этот случай не дает ей покоя. Загадка, которую она так и не разгадала... – Звонил

местный житель по имени Ральф Миддлтон; по его словам, он случайно оказался на месте происшествия. В разбитой машине был только водитель, восемнадцатилетняя Оливия Ратерфорд. Самостоятельно выбраться из автомобиля она не могла, пришлось вызывать спецслужбу и разрезать металл, чтобы ее высвободить... На тот момент трудно было предположить, что в машине мог находиться кто-то еще.

– Ясно... – Отламываю кусочек миндального круассана. – А в какой момент вы поняли, что подруги Оливии тоже были в машине?

– Моему коллеге на следующий день позвонил отец Салли Торн и сказал, что дочка не вернулась домой.

Круассан мгновенно теряет вкус, делаясь похожим на картон, когда я представляю, как Финн в подростковом возрасте вдруг не придет ночевать. Что бы со мной творилось! Мой замечательный, забавный, чуткий сын... Мне больно глотать.

– Драгоценное время к тому моменту уже было потеряно, – продолжает Бренда печально. – Часы, когда можно было заняться поиском. В той неразберихе никто не подумал, что девушки могли быть в машине с Оливией. Родители Тамзин думали, что она осталась у друзей; она иногда ночевала не дома, хотя была хорошей девочкой. Во всех отношениях.

– Когда же полиция обнаружила, что пропали все три девушки?

– Только вечером, когда допрашивали Оливию в больни-

це. К тому моменту господин Торн дозвонился родителям Тамзин Коул и Кэти Бёрк и узнал, что все трое ушли накануне вечером из дома и больше не возвращались. Сначала они подумали, что девушки все вместе куда-то поехали – может, к каким-то друзьям, – но потом позвонила мать Оливии и рассказала об аварии.

– А потом от Оливии вы узнали, что они находились в машине в момент аварии?

Бренда мрачно кивает.

– Мы смогли поговорить с Оливией только около шести вечера, до этого она была в операционной. Врачи старались спасти ее ногу.

Я морщусь.

– Конечно, после этого у всех началась паника.

– Как ужасно!

– Я все еще надеюсь, что они могут быть где-то все вместе.

Но Салли всегда говорила домашним, где она. Хорошие послушные девочки, проблемные. Все работали, жили дома, из приличных семей. Салли вообще была красавица, умница... Общительная. Она не стала сразу поступать в университет, отложила на год, и временно работала с Тамзин. Она первая в их семье стала бы студенткой университета, родственники очень гордились этим...

Мне обидно за Салли и за ее семью.

– А другие?

Бренда берет булочку и говорит, откусывая кусочек:

– Ну... – Кажется, она забыла про запись и больше не смотрит на микрофон. – Кэти была старше всех. Она работала фармацевтом. Разумная, надежная. И еще Тамзин... – Вздыхает. Я напряженно жду.

– Да?

– Ее дважды увольняли с работы за то, что она появлялась выпивши после перерыва на обед. И еще... – Бренда останавливается, чтобы проглотить булочку. – Было какое-то неприятное дело с деньгами.

– Деньгами?

– Да. Последняя ее работа перед исчезновением была связана с адвокатской фирмой в нашем городе. После того, как девочки исчезли, Ллойд Гроувз, владелец фирмы, пришел к нам и сказал, что пропали деньги...

– Сколько?

– Пара сотен фунтов.

– Маловато для побега.

– Думаю, все зависит от того, насколько безвыходным было их положение. Или от того, что они задумали. Деньги так и не нашли.

– А Оливия Ратерфорд знала что-нибудь про эти деньги?

– Говорит, что нет, но... Я не знаю. Мне кажется, она с самого начала говорила неправду. У меня все время было ощущение, что она что-то скрывает.

Это любопытно.

– Думаете, Оливия знала и про деньги, и про исчезновение

больше, чем говорила?

Бренда наклоняется вперед, чтобы вернуть пустую чашку на столик.

– Я более чем уверена: она знала что-то такое, о чем не хотела никому рассказывать.

– Если Тамзин и остальные стащили деньги, чтобы сбежать, то почему они не взяли с собой Оливию?

– Одна из версий того времени – Оливия слишком тяжело пострадала в аварии, и у них не было выбора; пришлось ее бросить.

– То есть ничто не заставило бы их поменять свои планы?

Бренда стряхивает с юбки крошки и качает головой.

– Важно, насколько сильно они хотели исчезнуть. Но не думаю, что их план заключался в этом. Их банковские счета остались нетронутыми, они ни разу не связались с родителями... Нет. – Она снимает очки и протирает стекла краем свитера. – Думаю, с ними случилось что-то очень плохое.

Несмотря на то что в комнате тепло, по моей спине пробегают холода.

– Я читала, что Ральф Миддлтон был под подозрением?

– Да. Он странный, нелюдимый. Но мне он всегда казался вполне безобидным. Однако мы должны были его допросить, потому что он обнаружил разбитую машину и вызвал «Скорую». На самом деле он спас Оливии жизнь. Она была совсем плоха.

– Только поэтому он попал в подозреваемые?

– Еще из-за своего поведения во время первого допроса. Он раздражался. Все время менял показания. Сначала сказал, что, когда все случилось, он гулял с собакой, потому что у него бессонница. Он жил – собственно, и сейчас живет – в вагончике в лесу. Недалеко от того места, где вы остановились, кстати. Поэтому то, что в это время он бродил по лесу с собакой, звучит вполне правдоподобно. Но Ральф... как бы это сказать... намекал, что видел нечто странное на месте аварии...

– А именно?

– Яркий свет. Потом понес что-то про похищение пришельцами. Думаю, в ту ночь у него не обошлось без наркотиков. Говорят, он частенько покуривает «травку». Через несколько дней Ральф изменил свои показания. Сказал, что ошибся и яркого света не было. А затем появился свидетель.

Я не могу оторвать от нее глаз.

– Кто-то сообщил, что видел человека, похожего на Ральфа, с молодой девушкой, подходящей под описание Тамзин, около десяти часов утром после аварии. Мы снова вызвали Ральфа на допрос, но он утверждал, что с ним была его знакомая, Джейд Марлоу. Она известна как мелкая воровка и наркоманка, тогда ей было двадцать с хвостиком.

– А она подтвердила его слова?

Бренда кивает.

– Она, как я подозреваю, за определенную плату могла подтвердить что угодно. Кроме светлых волос, у нее с Там-

зин не было ничего общего. В любом случае, после аварии Ральф и Оливия как-то сблизились. Он часто ее навещал, а когда ей стало лучше, уже она начала заходить к нему и подолгу там оставаться. Конечно, люди стали болтать об этом. Думали, что у них связь. Вы же знаете, как все любят сплетни...

Я мысленно подсчитываю возраст Ральфа. Ему, должно быть, сейчас за пятьдесят, то есть тогда было тридцать с чем-то.

– А что еще вы знаете о Ральфе? Он был когда-нибудь женат?

– Никогда. Всегда жил один со своими животными.

Я допиваю кофе и ставлю чашку на стол.

– А как насчет других подозреваемых?

Бренда снимает прилипшую к губе крошку.

– Уэзли Такер.

– Кто это?

– Бойфренд Оливии.

Не могу скрыть свое удивление.

– Бойфренд Оливии – подозреваемый? Почему?

– Некоторые говорили, у него что-то было с Салли Торн. До того, как он стал встречаться с Оливией. Как утверждают ее родители, Уэзли из кожи вон лез, закидывал ее сообщениями, оставлял записки около ее дома, посылал ей цветы и подарки... Знаете людей такого типа? Они не понимают слова «нет». Он учился в одном классе с Кэти, и что-то у них

там тоже было, скажем так. Ее друзья и родители уверяли, что она его терпеть не могла и никогда этого не скрывала. А за два дня до аварии свидетель видел, как Уэзли и Тамзин Коул ругались на улице.

– Вам удалось выяснить, из-за чего?

– Вроде из-за Оливии. Очевидно, Тамзин не одобряла их отношения. – Женщина снова надевает очки и предлагает мне еще один круассан. На этот раз беру шоколадный.

– Странно, что Оливия встречалась с тем, кто так интересовался ее подругой...

– Да, нам тоже это показалось странным. Но они вместе все эти годы.

– Да? Они женаты?

Бренда отрицательно покачивает головой.

– Нет, так и не поженились. Оливия живет как и раньше, дома, помогает матери с конюшней. А Уэзли снимает студию у мадам Тоуви. Но они по-прежнему пара.

– Вот это да! – Удивительно. Оливия примерно моих лет и все еще живет дома. В городе, где явно на нее смотрят с подозрением... – Почему же она решила тут остаться?

Бренда пожимает плечами.

– Это не так уж необычно. Многие остаются в городе. – Она хихикает. – Включая меня. Я родилась и выросла в Стаффербери. Вряд ли я отсюда уеду. – Бросает взгляд на свою оранжерею. – Здесь я чувствую себя хорошо. Я выросла в этот город, как сорняки на грядках у меня в саду. – Под-

мигивает мне.

Я понимаю, что Бренда мне симпатична. Мне нравится ее цельность. Ничего лишнего. Похожа на мою маму.

– Но вы когда-нибудь предполагали всерьез, что Уэзли Та-кер имел к этому отношение?

– Мы не смогли ничего доказать. Ни относительно Ральфа, ни его. Многие считают, что этот город проклят. Друзья Оливии Ратерфорд не единственные, кто исчез отсюда. Примерно двести лет назад здесь произошла похожая история, если верить отчетам.

– Правда?

– Пропали три девушки с местной фермы, где-то году в тысяча семьсот пятидесятом. Кажется, считалось, что их принесли в жертву. Наши камни привлекают оккультистов и сейчас. А уж тогда – тем более. Я знаю про камни не так много, а историки уверяют, что их расположение каким-то образом соответствует Солнцу и Луне, и что здесь приносили в жертву людей. Очевидно, в ночь, когда девушки исчезли, и Солнце с Луной как-то совпали с камнями.

Меня начинает подташнивать. Я вспоминаю фильм «*Плетеный человек*»⁷, который смотрела с Гевином. Смотрели в основном потому, что тот еще подростком сходил с ума по Бритт Экланд⁸.

– Вы же не верите, что их принесли в жертву, правда?

⁷ «Плетеный человек» – британский фильм ужасов (1973).

⁸ Бритт Экланд (р. 1942) – шведская актриса и фотомодель.

– Нет, конечно, нет. Там было кое-что еще... в случае с Оливией.

– Что же?

– Когда Оливия давала показания, она сказала, что кто-то следил за ней в последнее время. Так ей казалось.

– Да вы что?.. Этого не было ни в одной газетной вырезке. Вы узнали, кто это был?

– Нет, боюсь, что нет. Мы пытались, конечно, но не нашли никого, подходящего под описание. Вам лучше всего поговорить с моим коллегой, сержантом Дейлом Крауфордом.

– Хорошо, – я выключаю запись. – А он согласится со мной говорить?

– Конечно. Он отличный парень, этот Дейл. Был совсем мальчишкой, когда я служила. Двенадцать лет назад или около того. Сейчас он, наверное, вашего возраста, занимается нераскрытыми делами... Крутой такой. На прошлой неделе позвонил мне и сказал, что его команда будет опять расследовать дело Оливии Ратерфорд.

– Появилась новая информация?

Бренда смотрит на меня несколько секунд и потом говорит:

– Я думаю, вам лучше поговорить об этом с ним.

Она наклоняется, чтобы погладить Симуса. Пес свернулся калачиком около ее ноги, его морда лежит на ее тапочке. После чего хозяйка встает, я делаю то же самое. Собираю вещи и иду за ней к входной двери. Проходя мимо серванта,

Бренда притормаживает и берет визитку, вкладывая ее мне в руку. Это визитка Дейла Крауфорда, его контактные данные.

– Дейл отличный парень, – говорит она, распахивая дверь. Я выхожу на холод. – Но он полицейский. Возможно, что-то не захочет обсуждать... Если после беседы с ним останутся вопросы, звоните, не стесняйтесь. Я с удовольствием расскажу все, что вам нужно будет узнать о том времени, когда я вела это дело. Я еще пороюсь в своих старых бумагах. Я иногда делала копии документов, хотя Дейл вряд ли такое одобрил бы. Сегодня все действуют больше по уставу. – У нее игривое выражение лица. Я невольно улыбаюсь. Она опять становится серьезной. – И смотрите, чтобы вас не обвели вокруг пальца, Дженна. Я ни на секунду не сомневаюсь, что в городе есть человек, который знает, что на самом деле случилось с девочками, и все двадцать лет не открывает рта. Пора уже заставить его проговориться.

Оливия

Оливия вываливает конский навоз в мусорную кучу и смотрит, как от нее в серое небо поднимается пар, вспоминая, как не раз грела ноги около такой кучи, будучи подростком. Она убрала уже за тремя лошадьми. А еще пыталась дозвониться до Уэзли, но каждый раз включался автоответчик...

Оливия беспокойно провела остаток ночи, после того как проснулась и не обнаружила Уэзли рядом с собой. Когда в шесть прозвенел будильник и она увидела, что его половина кровати по-прежнему пуста, ее охватило странное неприятное чувство, как будто ей не хватало воздуха. Снова всплыли сомнения: не скрывает ли он что-то? Последние несколько месяцев он отдалился от нее. Началось это даже раньше, уж если быть честной. Может, это естественный процесс? Любовь постепенно уходит, как вода сквозь песок. В первое время Уэзли был таким внимательным! Оливия полагалась на него и физически, и морально. Он переносил ее на руках из кровати в кресло-каталку, поскольку она не могла спать на втором этаже из-за лестницы. Ночевал вместе с ней в гостиной, в спальном мешке, на тот случай если ей ночью надо будет в туалет. Успокаивал ее, если она просыпалась из-за кошмарного сна, если ей снилось, что она лежит в разбитой

машине и не может выбраться. Сейчас сложно вспомнить, в какой момент все изменилось. Но чем сильнее становится она сама, тем больше ослабевает их связь.

Оливия заговорила о своих опасениях за завтраком, но мать, как обычно, чрезмерно суетилась на кухне.

– Яйца хочешь? – спросила она, в ответ на жалобы по поводу исчезновения Уэзли. Казалось, этот вопрос является реакцией на все сразу: нехватку сил, грустные мысли, пропавшего бойфренда...

– Нет, спасибо. Сегодня на яйца даже смотреть не хочется. – Оливии казалось, что неприятности заполняют ее целиком.

– Да все с ним будет в порядке, – небрежно произнесла мать. Она проигнорировала отказ и положила на тарелку дочери яйцо-пашот. – Уэзли – взрослый человек. Мне он всегда казался очень независимым. Ты не можешь привязать его к своей юбке, дорогая, даже не пытайся.

Оливия никогда не слышала, чтобы у матери кто-то был, хотя и подозревала, что так быть не может. Когда Оливия была еще маленькая, мама иногда оставляла ее со своими родителями, чтобы уехать на выходные. Оливия часто задавалась вопросом: не встречается ли она с кем-то? Но мать никогда бы ей ничего не сказала. Это принадлежало только ей. Она не допускала никого в свою личную жизнь.

– Ты разве не хочешь, чтобы я вышла замуж? Не хочешь внуков?

Мама усмехнулась, откинула с лица густую челку. Она перестала красить волосы, когда ей было под пятьдесят. Стала ходить седая. Седина ей шла: оттеняла глаза, смягчала морщины, добавляла краски в лицо.

– Это твоя жизнь, моя милая. Я не любительница младенцев, ты же знаешь. Мне проще с лошадьми.

– Отлично, спасибо.

Мать отрывисто рассмеялась.

– Ладно, не будь такой неженкой. Конечно, я люблю *тебя*! – И похлопала дочь по спине так же, как любимую лошадку. Возможно, она не была идеальной матерью, но Оливия точно знала, что для нее она готова на все. Они всегда жили вдвоем и хорошо понимали друг друга.

– Поверь мне, ты сама не хочешь замуж. В браке и начинаются все несчастья.

Откуда бы ей знать? Замужем мать не была. Когда стало известно о беременности, давно, в 1980 году, отец не пожелал иметь с ними обеими ничего общего. Оливия выросла в этом доме, о ней заботились бабушка и дедушка. Грустно, что они умерли с разницей всего в несколько месяцев, когда ей было четырнадцать. У матери не было братьев и сестер.

...«Что, если Уэзли меня бросил?» – думает Оливия, не отводя глаз от телефона, надеясь, что на экране высветится его номер. Что, если он вдруг прозрел? Понял, что она не стоит его? Он яркий, полный жизни человек, ему нужна подходящая женщина, такая, как была Салли. А не картонная

Оливия, живущая только наполовину, с пустым сердцем... Она двадцать лет опасалась, что он ее бросит. Пару лет назад был момент, когда она решила, что он вполне на это способен. Уэзли избегал ее, постоянно находил отговорки, чтобы не видеться, а при встрече держался так, будто несет ответственность за весь белый свет. Так продолжалось несколько месяцев – а потом он стал таким, как раньше.

Откуда взялась эта зависимость? Может, она так держится за него, потому что росла без отца? Оливия знает, что Уэзли не идеален – поняла это с годами. Он шумный, любит командовать, обидчивый, может часами не разговаривать, если она поступает не так, как он хочет. Один раз Оливия сказала, что слишком устала, чтобы заниматься сексом, так он не разговаривал с ней три дня. Правда, он может быть любящим и заботливым. Вести себя так, будто она самый важный человек на земле. И он ее поддерживает. Всегда. В любое время готов помочь. Если она позвонит ему и скажет, что ей плохо, Уэзли примчится, будь это днем или ночью. Он всегда готов ее защитить, он ее первый и единственный мужчина. С ним она чувствует себя так же уютно, как в своем любимом пушистом халате, и, если его снять, окажется обнаженной и беззащитной.

Оливия смотрит на часы. Одиннадцать. Уэзли на работе. Он всю жизнь трудится в одном месте: в банке соседнего городка.

Неожиданно ее размышления прерывает звук хрустящего

под колесами гравия. Оливия поднимает голову. Кто бы это мог быть? Мать занимается кормом для лошадей, Мэл, инструктор по верховой езде, должна прийти только к двум, это время первого урока. Оливия бросает тачку и идет к небольшому зданию перед конюшнями – может быть, заехал кто-то незнакомый, чтобы договориться об уроке верховой езды. В выходные местные ребята с удовольствием помогают с разными делами в конюшне, потому что им нравятся лошади. В рабочие же дни здесь обычно нет никого, кроме нее и матери. Мэл приезжает только на занятия или чтобы позаботиться о собственной лошади, Фарго, но на этом ее обязанности заканчиваются. Иногда по воскресеньям Оливия собирает компанию опытных наездников для прогулок, но обучение целиком на Мэл.

Оливии незнакома машина – серебристая «Ауди» – и высокая интересная женщина, уверенно идущая от железных ворот. Ее рыжие волосы выбиваются из-под темно-зеленой шапочки с помпоном. Она приезжая – это сразу видно по одежде. Модное пальто, сапоги на каблуках и хорошо сшитые брюки. Все черное, кроме шапочки. У входа в контору она на секунду останавливается, будто сомневается, стоит ли заходить. Контора на самом деле просто сарай, стоящий перед конюшнями, практически без мебели. В углу зажат металлический шкафчик, а лицом к двери – одинокий письменный стол, на котором лежат бумаги с записями и расписанием занятий школы верховой езды. И Оливия, и ее мать

не любят технику. Уэзли сотни раз пытался объяснить им преимущества современных устройств, но в итоге сдался.

– Входите, – Оливия улыбается женщине, неуверенно остановившейся на пороге. – Вы хотите записаться на занятие? – Она идет к письменному столу и листает журнал регистрации в поисках сегодняшнего числа.

– Нет, нет, спасибо, – отвечает гостя, на лице у нее паника. Она заходит в контору. У нее акцент. Северный. Оливии нравится его звучание. Он делает речь мягкой и доброжелательной – и сразу же успокаивает ее.

– Чем я могу вам помочь?

– Вы – Оливия Ратерфорд?

И в этот момент Оливия все понимает. Какая же она дура, что сразу не сообразила! Журналистка. О ней предупреждал Уэзли. И вот она здесь, практически у нее в доме, а в отсутствие матери и Уэзли Оливия не знает, как себя с ней вести...

Она каменеет, сжимает зубы, скрещивает руки на груди.

– А кто ей интересуется?

– Меня зовут Дженна Халлидей. Я готовлю подкаст для Би-би-си о событиях двадцатилетней давности. Я знаю, что вы ни разу не разговаривали с представителями прессы, но это немного другое... Я надеялась, что вам интересно будет поучаствовать, потому что...

Но Оливия не в состоянии сосредоточиться на словах; они стучат у нее в голове, сливаясь в один поток шума. Она слы-

шит что-то про «ваша версия случившегося», и как эксклюзивное интервью «заставит других журналистов не вмешиваться». Оливия все это слышала и раньше. Она никогда не общалась с прессой по поводу аварии. И не будет.

Оливия трясет головой и затыкает руками уши, не заботясь о том, что она может показаться инфантильной или грубой.

– Нет. Нет. Нет!!!

Дженна замолкает, черты ее лица смягчаются. Она протягивает руку, но, передумав, опускает. Оливия замечает зеленый цвет ее глаз. Цвет крыжовника в материнском саду. Крыжовника, к которому она не прикасалась с тех пор, как в пятилетнем возрасте ее всю ночь от него рвало.

– Простите, – говорит Дженна мягко, и Оливия замечает, что щеки ее розовеют. – Я совсем не хотела вас обидеть. Наверное, тяжело жить, так и не узнав, что же случилось...

– И все-таки вы решили прийти и поговорить? – Оливия распрямляет плечи, хотя неважно, насколько ровно она держит спину. Она никогда не будет такой высокой, элегантной, уверенной в себе, как эта журналистка. Наверняка эта Дженна Халлидей легко получала в жизни все и всех, кого хотела.

Дженна смотрит в пол, а когда она поднимает голову, Оливию удивляет ее открытое выражение лица. Естественное.

– Мне казалось правильным дать вам шанс рассказать о происшествии. Ведь это история о том, как пропали ваши подруги.

– Мне рассказать эту историю? – Она чувствует, как жар приливает к лицу. – Это не история! Это не байка для развлечения публики! Это... – Делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Это моя жизнь.

– Я понимаю.

– Как вы можете это понять? – Оливия смотрит в глаза этой женщине, этой незваной гостье. – С каких это пор журналисты действительно что-то понимают? С вами такое было?

– Нет, но...

– Тогда не болтайте ерунды. Это все лицемерие.

– Простите меня. Даже боюсь представить, что вам пришлось пережить.

Оливия чувствует, как к глазам подступают слезы. Как быть?

Дженна смотрит на нее спокойно и сочувственно. Это немного примиряет с ней Оливию. Ей хочется ненавидеть эту женщину. Хочется обвинить ее во всем, что случилось. И в аварии, и в том, что было позднее, в нескончаемой боли, физической и душевной. Люди в городе смотрят на нее косо, сплетничают за ее спиной, даже бывают откровенно враждебны. Единственное, чего она хочет, – скрыться ото всех. Правда, сегодняшняя гостья не похожа на журналистов, с которыми ей приходилось встречаться раньше. Она кажется более человеческой и, похоже, действительно стремится выслушать ее. Но нет. Оливия обещала Уэзли. Она не может

вернуться к тому, что было.

Дженна достает из сумки визитку.

– Я ухажу. Но если передумаете, вот мои координаты.

Она дает ее Оливии; та бросает ее на письменный стол, как будто это мусор.

– Я буду в городе до пятницы.

Повисает неловкая тишина. Наконец Дженна слегка улыбается и выходит. Ее медного цвета волосы напоминают Оливии о гнедом жеребце, который когда-то раньше у них был.

Оливия с облегчением вздыхает, ноги ее дрожат. Она опускается на тележку, горло горит.

Уэзли прав. Нельзя разговаривать с этой женщиной. Ни в коем случае.

Оливия понимает: стоит ей начать говорить, и она не сможет остановиться.

Дженна

Я не удивлена, что Оливия отказалась разговаривать, но не сдамся. Наверняка есть способ разговорить ее. Просто надо его найти. Удивил меня ее вид – такая маленькая и такая печальная... Она говорила настолько эмоционально, будто все ее чувства были совсем близко, будто она ныряла в них, как пловец в волны. Я другая. Я ныряльщик на глубину – и сделаю все, чтобы не продемонстрировать свои истинные чувства.

Так было и в тот поздний вечер. Мы уже собирались ложиться, и Гевин сказал, что собирается съехать. Я сидела у туалетного столика, смывая косметику, и видела в зеркале его отражение. Он, голый по пояс, вешал рубашку. В тот момент я подумала, что мы не занимались сексом уже много месяцев. Раньше такое невозможно было представить. Мы оба были так заняты, я на своей новой работе, он – как финансовый директор компании. Нам не хватало времени друг для друга. Я встала и пошла к нему, чтобы поцеловать, при этом расстегивая пижаму. И, к моему ужасу, он меня оттолкнул.

– Прости, Дженна, я не могу. – *Дженна*. А не «красотка», как он ласково меня называл. В тот момент я просто онемела.

Потом Гевин бросил, что ему нужно отдохнуть от нашего брака. Я села на край кровати. Меня заполнило чувство унижения; я старалась не расплакаться, оставаться спокойной, хотя казалось, что меня ударили под дых. Хотелось выть и умолять его остаться. Если б я была хотя бы вполовину так эмоциональна, как Оливия, спасла бы я этим свой брак?

...Когда я сажусь в машину, рядом со мной останавливается старый «Ленд Ровер». На нем надпись *«Школа верховой езды и конюшни»*. Из него выходит женщина лет шестидесяти с небольшим. Она высокая и крепкая, явно много времени проводит на улице. Немолодая, но в ней есть определенная привлекательность. Я сразу же понимаю, что этот мама Оливии. Они удивительно похожи: одинаковые серые глаза, чуть заостренный нос, острый подбородок и высокие скулы. Обе готовы к обороне. Женщина несет большой мешок с кормом для лошадей; проходит перед моей машиной и смотрит в мою сторону. Я жду, что она подойдет, сердце стучит сильнее в ожидании, в голове проскакивают стандартные фразы, которые я обычно говорю при знакомстве. Однако женщина уходит в сторону железных ворот. Прикидываю, стоит ли выходить из машины и пытаться поговорить, но чувствую, что она еще более закрыта, чем ее дочь.

Когда разворачиваюсь, замечаю, что миссис Ратерфорд наблюдает за мной. Ее рука лежит на задвижке от ворот, мешок стоит на земле. Вполне возможно, что мельница слухов уже крутится на полную и она прекрасно знает, кто я такая.

Ее фигура хорошо просматривается в зеркале заднего вида, пока я выезжаю на шоссе. Мысли мои заняты этой женщиной, и я слишком быстро проезжаю крутой поворот, чуть не задевая «БМВ», который едет навстречу.

Сбрасываю скорость; сердце стучит чуть тише. Водитель «БМВ» примерно моего возраста, с копной темных волос, цедит сквозь зубы: «Чертова идиотка!» – и проезжает мимо.

Я еду в сторону Мейн-стрит. Прямо перед полем с камнями дорога подводит к автостоянке Национального фонда. Ставлю машину и иду по дорожке, которая бежит параллельно парковке и пересекает ряд магазинчиков и кафе. Холодно, изо рта идет пар. Поглубже натягиваю шапочку, холод пробирается под одежду. Пока иду, набираю номер, который мне дала Бренда, – сержанта Крауфорда. Сразу же включается автоответчик, и я оставляю короткое сообщение: объясняю, кто я и откуда у меня этот номер. Убираю мобильник в карман и останавливаюсь перед кафе «У Би». Вывеска витиеватая. Рядом стоит доска с указателем, что кафе наверху. Вроде бы неплохое местечко, чтобы попить кофе, все обдумать и сделать кое-какие выписки из интервью с Брендой, чтобы обсудить эти вопросы с сержантом Крауфордом.

...Поднимаюсь по узкой лесенке. Когда добираюсь до самого верха, дыхание сбивается. Дверь открыта, сквозь нее видно уютную комнату с потолочными балками и слегка наклонным полом. На нем красный ковер, местами выцветший до розоватого оттенка. Официантки носят старомодные чер-

ные форменные платья с белыми передничками с оборками. К ним прилагаются белые чепчики. Приманка для туристов, как я понимаю. Из полукруглых окон видно Мейн-стрит и Стоящие Камни.

– Чем могу помочь? – обращается ко мне молоденькая девушка. Ей, вероятно, не больше восемнадцати. Выглядит она слегка смущенной. Скорее всего, новенькая.

– У вас есть свободный столик? – Вопрос дурацкий, потому что занят всего один, за которым молча сидит пожилая пара. Причем женщина чересчур откровенно меня разглядывает.

– Вы будете одна?

– Да, спасибо. – Еда в одиночестве меня совсем не смущает. Жизнь журналиста к этому приучила. В первые дни, когда работала в пресс-агентстве, я проводила массу времени у дверей знаменитостей и политиков, а потом надиктовывала по телефону материал. Присаживалась где-нибудь на бордюрном камне, старательно писала хотя бы первые абзацы, чтобы не спотыкаться потом, когда буду все это говорить нетерпеливому редактору на другом конце провода.

...Девушка подводит меня к столику у окна и принимает заказ. Она уходит, а я осматриваю помещение. Оно не слишком большое, столиков на шесть. Пожилая пара потихоньку пьет из фарфоровых чашек. Женщина – платиновая блондинка с худым беспокойным лицом – продолжает меня разглядывать. Я улыбаюсь ей, но она с каменным видом отводит

глаза. Очаровательно. Скорее всего, о моем приезде известно всем. Вялю открываю ноутбук, изо всех сил стараюсь подавить чувство неловкости. Рассматриваю неровные стены с толстым слоем краски, местами потрескавшейся, и столы со стульями из красного дерева. Прилавок украшен флажками, на нем стоят фарфоровые блюда с розовыми и желтыми капкейками. Представляю, как многолюдно здесь летом, когда полно туристов.

Беру ручку и царапаю: *«Оливия сказала, что за ней следили»*. Подчеркиваю «следили» тремя чертами. Удивительно, что это не попало в печать. Как объяснила Бренда, не удалось ничего об этом узнать. Если только... Я покусываю ручку. Если только полиция не отнеслась к словам Оливии с недоверием. Достаю из кармана телефон и кладу его на стол. Сержант Крауфорд пока не звонил. Мне не терпится с ним поговорить.

– Ваш черный кофе и лимонный пирог.

Благодарю официантку и приступаю к еде. На самом деле я совсем не голодна. Даже пирог не особенно соблазняет. Это, скорее, сила привычки. После расставания с Гевином меня все время тянет на сладкое. Некоторые люди худеют, когда им плохо, я же – наоборот.

Пью кофе маленькими глотками и смотрю в окно, размышляя над беседой с Брендой. Внимание привлекает человек на улице, в основном потому, что странно себя ведет. Нервно озирается, говорит по телефону, как будто ждет, вер-

нее, ищет кого-то. Потом смотрит на мое окно. Я невольно отклоняюсь назад, чтобы он меня не увидел. Сама не знаю почему. Когда я снова выглядываю наружу, его уже там нет.

Возвращаюсь к своему ноутбуку и начинаю записывать все, что мне известно о Ральфе Миддлтоне, когда тот самый человек с улицы влетает в кафе. Он тяжело дышит после подъема по узкой лестнице. На вид – мой ровесник, с темными волосами, закрывающими высокий лоб. Ему приходится слегка пригнуться, проходя через узкий дверной проем. Одна рука в кармане черного пуховика, надетого на рубашку с галстуком.

– Уэзли! – Одна из официанток, хорошенькая брюнетка лет тридцати, спешит к нему. *Уэзли*? Бойфренд Оливии? Делая вид, что читаю, краем глаза посматриваю на него. Он хорош собой и явно знает это.

И тут я догадываюсь. Не меня ли он искал на улице? Вероятно, Оливия уже успела сообщить ему о моем визите.

– Иззи, – говорит Уэзли, обнимая официантку за тонкую талию. Пожилая пара за соседним столиком тоже за ним следит. Женщина смотрит с плохо скрытым презрением. Это становится интересным.

Уэзли болтает с Иззи и молодой официанткой, которая подавала мне кофе. Ее зовут Хлоя. Он по-прежнему придерживает Иззи за талию. «Так вот ты какой», – думаю я, наблюдая. Мистер Неповторимый, как говорит моя мама. Знаю, что он меня заметил, потому что старательно прикидывает-

ся, что этого не произошло. Все помещение для него сцена, а он – ведущий актер. Мне же отведена роль публики.

Иzzi сажает его за столик по диагонали от меня. Уэзли, избегая взглядов в мою сторону, заказывает что-то из меню. Иззи исчезает, чтобы принести еду. Я делаю вид, что читаю что-то в телефоне, но на самом деле наблюдаю за ним. Он явно испытывает беспокойство: барабанит пальцами по красной клетчатой скатерти, стреляет глазами во все стороны. И наконец добирается до меня. Я поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом. У него синие, пронизательные, вызывающие глаза. Он прищуривается, но молчит. Я возвращаюсь к записям, хотя сигнал сети проходит слабо и я не могу ничего загрузить. Понимаю, что Уэзли по-прежнему смотрит на меня.

Он мне не нравится. Слишком самодовольный, слишком наглый. Я перехватываю его взгляд. Уэзли смотрит злобно, на лице у него крупно написано недовольство. Это застает меня врасплох, но я не опускаю глаза.

– Вы ведь журналистка? – громко, через всю комнату кричит он. Женщина за соседним столиком отрывается от чашки и внимательно меня изучает.

– Да, правильно. – Делаю усилие, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце ужасно стучит – то ли от злости, то ли от смущения, то ли от всего вместе.

– Надо полагать, вы считаете, что все это какая-то прикольная история, да? Приезжаете сюда, портите жизнь дру-

гим...

Я хмурюсь.

– Я стараюсь не портить жизнь другим.

– Опять все раскапываете...

– Я здесь только для выпуска подкаста.

Уэзли гадко смеется и поворачивается к Иззи, которая несет ему заказ. Затем обращается к пожилой паре в углу.

– Она думала, что приедет сюда и сразу решит все проблемы. – В его голосе неприкрытая издевка. – Полиция не смогла разобраться, что случилось с твоей сестрой и ее подругами за двадцать лет, а она сразу все поймет...

Иззи связана с одной из пропавших девушек? Я заинтригована.

– Я так не думаю. Я приехала собрать информацию, и только.

Неужели Иззи – родственница Салли? Такие же темные волосы, красивая кожа... Надо взять у нее интервью.

Иззи ставит еду на стол.

– Слушай, Уэз, я не хочу, чтобы ты портил настроение нашим посетителям. Просто ешь спокойно.

Я удивлена. Не ожидала, что Иззи заговорит с ним таким тоном, ведь она очень ласково его встречала.

Она улыбается мне, и, к счастью, Уэзли замолкает.

Я захлопываю ноутбук, отодвигаю недопитую чашку кофе и недоеденный пирог. Аппетит пропал. Расплачиваюсь и выхожу, взгляд Уэзли жжет мне спину.

На улице начинает моросить. Пахнет благовониями. Рядом находится магазинчик, торгующий безделушками и украшениями. Неожиданно для себя я в него забегаю. Мне кажется, Уэзли может следить за мной. И правда, через пару минут он уже стоит перед кафе, озираясь. В чем же дело? Мне кажется, я веду себя достаточно хитро. Надеюсь, девушка за прилавком не думает, что я воровка. Она не обращает на меня внимания, листает журналы, наматывая на палец свои розовые волосы. По радио звучит «Ласт Кристмас», и продавщица тихонько подпевает. Я делаю вид, что рассматриваю товар. Уэзли меня интригует. Почему мое появление в городе так сильно его беспокоит?

Прячусь за прилавком с яркими шарфиками и наблюдаю за тем, как Уэзли вытаскивает телефон из кармана пуховика.

– Я ее потерял, – слышу я. Перехватываю взгляд молодой продавщицы, но она по-прежнему равнодушна к моему присутствию.

– Я пойду назад, доем, что не успел. Да, крошка, я же уже говорил это...

Остальные слова пропадают, Уэзли заходит внутрь. Я быстро бегу к машине, пока он не может увидеть меня из окна.

Его послала Оливия? Если да, то зачем?

Разверзлись хляби небесные! Я прячусь в машине и продолжаю записи. Окна запотевают от моего дыхания, из-за ливня не видно ни земли, ни неба. *Иzzi Торн*? Я записываю. Мне необходимо с ней встретиться. Я не представляю, где она живет; придется вернуться в кафе и спросить ее, хотя делать это в присутствии Уэзли не хотелось бы. Смотрю на часы. Прошло тридцать минут с тех пор, как я ушла оттуда; надеюсь, он уже доел свой обед.

Решительным движением натягиваю на голову шапку, засовываю ноутбук и телефон в сумку и выхожу из машины. Спрячусь пока в одном из магазинчиков и дождусь, чтобы Уэзли ушел. Попытаюсь поговорить с Иззи.

Пересекаю парковку и чувствую, что телефон вибрирует. На экране высвечивается незнакомый номер. Забегаю под навес, где расположен общественный туалет, чтобы ответить на звонок. К своему удовольствию, слышу голос сержанта Крауфорда.

– Спасибо, что позвонили. Я знаю, что вы очень заняты. – Наклоняюсь так, чтобы меньше чувствовался ветер. Еле слышу, что он говорит. Дождь лупит меня по спине.

– ...не могу отказать Бренде, но не знаю, чем могу вам помочь.

– Слушайте, – крепче прижимаю телефон к уху, чтобы

лучше слышать. – Я сейчас пытаюсь собрать как можно больше информации. Если у вас найдется минутка, чтобы выпить вместе кофе – где угодно, в любом месте, – я была бы рада послушать, что вы скажете.

– У меня сегодня безумный день, но после работы можем ненадолго встретиться.

Я уверяю его, что буду очень благодарна за любой короткий разговор, и он чуть мягче предлагает увидеться в «Вороне» в семь.

Настроение немного улучшается. Убираю телефон и иду в сторону кафе, но неожиданно замечаю Уэзли. Он идет ко мне. Черт! Я надеялась, что не встречу с ним.

Он загораживает мне дорогу. Я распрямляю спину. Не дам ему себя запугать, видела я таких...

– Все крутишься тут, покоя от тебя нет!

– Видимо, так и есть. – Я складываю руки на груди.

Уэзли вздыхает, но выражение его лица становится добрее.

– Я не хочу, чтобы Лив расстраивалась, понятно? Ей вполне хватает того, что уже было.

Меня пугает такая перемена в поведении Уэзли. Я в небольшой растерянности. Он казался полным отморозком, но сейчас, когда я смотрю на него, проскакивает мысль – может, он просто волнуется за свою девушку?

– Я тоже не хочу ее расстраивать, – стараюсь звучать убедительно. – Этот подкаст просто должен пролить свет на то,

что случилось двадцать лет назад. Возможно, кто-то сумеет что-нибудь вспомнить. Разве и вы, и Оливия не хотели бы знать, что же случилось с Салли, Кэти и Тамзин?

Уэзли сводит брови. Мы промокли до нитки, у него на волосах висят капли воды.

– Есть масса вещей в нашем городе, которые вы не понимаете. Здесь случаются странные вещи. – Он понижает голос. – В лесу есть привидения, и в Коридоре Дьявола – тоже. Говорят, что в Стоящих Камнях хранится огромное количество таинственной энергии. Вы слышали что-нибудь про силовые линии?

– Думаю, нет. – Пытаюсь скрыть скепсис. – Что вы хотите сказать? Что в их исчезновении есть нечто сверхъестественное? Паранормальное?

Уэзли проводит рукой по промокшим волосам.

– Кто знает... Слушайте, мне все равно, чем вы занимаетесь. Если вам нравится попусту тратить время, это ваше дело, но оставьте Лив в покое, хорошо? Люди здесь и так достаточно грязны на нее льют.

Не дав мне ответить, он уходит: руки в карманах, голова чуть опущена из-за встречного ветра.

Я продолжаю свой путь в кафе, обдумывая разговор с Уэзли. Про Оливию ходят некрасивые сплетни? Интересно, какие... Вероятно, ей пришлось очень нелегко, и я готова понять, почему он хочет ее защитить.

Поднимаясь по лестнице, слышу обрывки разговоров и

звон посуды, приятно пахнет кофе и яичницей с беконом. На этот раз заняты почти все столики, между ними мечутся официантки в своих черно-белых нарядах. Иззи нигде нет. Сердце неприятно ёкает, но потом я вижу ее: она несет через всю комнату поднос с пустыми тарелками, при этом ее собранные в конский хвост блестящие волосы раскачиваются вправо-влево. Я делаю ей знак рукой, чтобы привлечь внимание. Иззи подходит.

– Еще раз здравствуйте, – говорит она с улыбкой, – так скоро вернулись? Там у окна есть свободный столик, но на вашем месте я бы поторопилась.

– Вообще-то я хотела поговорить с вами, но, кажется, вы очень заняты...

Она хмурится.

– А, понятно... Ваш подкаст? Вы уже знаете, что я сестра Салли?

Я киваю. Иззи слегка прикусывает губу, глаза ее блуждают по комнате. Наконец, она смотрит на меня:

– Дайте вашу визитку, я вам позвоню.

Я извлекаю из сумки визитку и кладу ее на поднос, который держит Иззи.

– Большое спасибо. Я очень признательна, правда. Я здесь до пятницы, но хорошо бы поговорить как можно скорее.

Девушка снова улыбается, но в этот раз менее уверенно, и идет в сторону кухни. Надеюсь, она действительно позвонит.

Мне не остается ничего другого, кроме как вернуться к

себе. Я насквозь промокла, брюки от коленки до щиколотки стали тяжелые. Мечтаю переодеться во что-то уютное. Холод пробирает до костей. Зря я надела офисный наряд. Думала, буду более профессионально смотреться в такой одежде, но ничего подобного. Нужны джинсы, резиновые сапоги и дождевик. Понимаю, что выгляжу смешно. Вот и женщина, идущая навстречу, странно смотрит на меня. Она тянет клетчатую сумку на колесах, и я вспоминаю, что видела ее раньше, в кафе. Я улыбаюсь ей. Она останавливается, поравнявшись со мной, и хватается меня за руку. Хватка у нее железная.

– Это ты та самая журналистка?

– Да. Меня зовут Дженна Халлидей.

Она разжимает пальцы и смотрит на меня. У нее седые желтоватые волосы, тонкие губы, жесткое выражение лица. Имени своего она не называет.

– Я жила здесь, когда все случилось. Рядом с Тамзин Коул и ее родителями. Странные они. Шумные. Простецкие, понимаете?

Я слушаю с невозмутимым лицом.

– У этой Тамзин было полно ухажеров. Я бы не удивилась, если она сбежала с кем-то из них.

– А Салли и Кэти?

Женщина плотно сжимает губы, будто затягивается сигаретой.

– О тех мало что знаю. Но, думаю, все они хороши. Представьте, сбежать и ничего не сказать родителям!.. Так не по-

ступают.

– Может быть, они и не убегали никуда...

Она невесело улыбается.

– Что же тогда с ними случилось? Украли пришельцы, как некоторые тут болтают? Чушь собачья. Уверена, Оливия Раттерфорд точно знает, что с ними случилось, помяните мое слово. Она тоже в этом замешана. Я думаю, дело не в аварии. Видите ли, правильная она такая. Постоянно изображает тихоню. Такая же, как и ее мать. Много о себе понимают. Не хочу о них и думать.

Похоже, эта дама вообще не хочет ни о ком думать. У нее просто есть комплект сплетен, без фактов. Тем не менее она может пригодиться для подкаста. Спрашиваю, нет ли у нее желания дать интервью, но она в ужасе от этой идеи.

– Ну уж нет, спасибо. Если хотите знать, по-моему, вы зря теряете время.

– Почему вы думаете, что они сбежали?

– Про тех двух ничего не могу сказать, но родители Тамзин жили как кошка с собакой. Кажется, ее отец свалил с другой женщиной, как раз перед тем, как девушки пропали. Как же они орали там, за стеной! Ругались, хоть святых выноси... Нет, семья несчастливая. Может, Тамзин хотела начать новую жизнь, подальше от них...

– А они до сих пор живут в Стаффербери?

Она качает головой.

– Они в конце концов уехали из города. Куда – не знаю.

Я бы назвала это счастливым избавлением... Все, мне надо идти. Не могу же я стоять тут весь день и сплетничать. Стэн ждет меня в машине, а мне еще надо хлеб купить... Да, меня Рита зовут.

Она изображает что-то похожее на улыбку, видны ее крупные передние зубы. Хватает за ручку свою сумку на колесах и уходит в ту сторону улицы, где видно небольшой магазинчик на углу.

Прямо над головой – раскат грома, дождь усиливается. Пешеходы ускоряют шаг, некоторые заскакивают в ближайшие лавочки. Я почти бегу к парковке и, оказавшись в теплой уютной «Ауди», чувствую себя почти счастливой. Интересно, многие ли здесь думают о пропавших то же, что и Рита? Надо поспрашивать. Вспоминаю слова Уэзли, что все злословят об Оливии. Откуда-то выскакивают три девочки-подростка, хихикают, толкают друг друга; на одной из них колпак Санта-Клауса, у других на волосах блестящая мишура. Похожи на студенток. Такими были Тамзин, Салли и Кэти, когда пропали. С тяжелым сердцем смотрю им вслед. Они идут по улице под ручку. Еду дальше. «Дворники» отчаянно пытаются справиться с ливнем, и я еле вижу дорогу, когда въезжаю в Коридор Дьявола. Сбрасываю скорость, чтобы не проскочить поворот. Останавливаюсь около своего дома, выключаю зажигание и какое-то время просто сижу в машине. Деревья гнутся от ветра, листья шумят, как будто шепчут что-то по секрету, дождь лупит по грязным лужам.

Неохотно выбираюсь на улицу и тороплюсь к двери; каблуки мешают, увязая в размытой дорожке. У самого входа наступаю на что-то скользкое, липкое и мокрое; невольно отшатываюсь, увидев растерзанное существо в крови, похожее на крысу или какого-то другого грызуна. Пинаю его в сторону, открываю входную дверь, пульс ускоряется. Меня подташнивает. Я захлопываю дверь, чтобы не видеть это дохлое животное. Искренне надеюсь, что его там оставили лисы или коты. Что это не предостережение.

11

Оливия

Почти в три часа дня темно-синий «БМВ» Уэзли останавливается около конюшен – как раз в тот момент, когда Оливия выходит из-под навеса. Она успела рассказать про визит Дженны, и Уэзли бросился вслед за ней. У Оливии не было шанса спросить про ночной побег. Сейчас он с ее матерью на стоянке, оба покачивают головами в такт разговора. Опять пошел дождь, небо потемнело. Они одновременно отрываются от беседы, услышав шаги. Оливия придерживает ворота открытыми.

– Ну? – спрашивает она, давая воротам с шумом захлопнуться за ними. – Что с журналисткой? Ты уехал сто лет назад.

– Мне пришлось вернуться в офис. Я же работаю, забыла? Я сумел уйти пораньше. Сказал, что у меня расстройство желудка. На самом деле со мной всё в полном порядке, – Уэзли поглаживает себя по животу.

– Я пойду. – Подмигнув, мать направляется к конторе.

В этот момент Оливия понимает, что Уэзли наверняка уже все рассказал, иначе она осталась бы послушать. Мать всегда держит ухо востро относительно всего, что происходит в Стаффербери. После аварии Оливия предлагала ей продать конюшни и переехать куда-нибудь – может, в сосед-

ний городок, так, чтобы она могла встречаться с Уэзли. Но мать пришла от этой мысли в ужас.

– Я не могу оставить конюшни. Это же семейный бизнес. Твоя бабушка с дедушкой перевернулись бы в гробу, если бы такое случилось!

...Они никуда не поехали. Оливии пришлось приспособиться к лестнице, свыкнуться со сплетнями и обвинениями. Когда же она окрепла настолько, что могла задуматься о самостоятельном переезде, ее жизнь была уже настолько связана с этим городом, что оторваться казалось невозможным.

– Итак? – снова спрашивает она. – Куда ты смылся прошлой ночью?

– Прошлой ночью? – Уэзли шаркает по дорожке. На нем новые безобразные кроссовки на платформе.

– Я проснулась, а тебя не было.

– А-а, ты об этом... Мне не спалось. Хотелось в свою кровать, а ты так мирно спала, что я решил тебя не будить.

– И ты по-тихому свалил среди ночи...

– Вообще-то было уже раннее утро.

Разве? Оливия хмурится. Она уже не в состоянии точно вспомнить время. Только то, что было темно. Но сейчас светает не раньше половины восьмого, так что, возможно, так и было. В любом случае определенно до шести, поскольку в шесть зазвонил будильник.

– Ты видел Иззи в кафе? – спрашивает она, ненавидя себя за это. Знает, что выглядит беззащитной и зависимой от

него. А Иззи так похожа на Салли! Уэзли тоже не может этого не замечать. Иногда, особенно в первое время, Оливия застывала на месте при виде Иззи. На какую-то долю секунды ей казалось, что Салли никуда не исчезала, что она все это время жила в городе – и просто шла по Мейн-стрит, с темными блестящими волосами, стянутыми в конский хвост. Смотреть на нее было больно, и Оливия невольно погружалась в горькие воспоминания о своей единственной подруге. Около десяти лет назад она попробовала подружиться с Иззи, несмотря на то что была старше на восемь лет. Предложила посидеть где-нибудь вместе, выпить кофе... Иззи согласилась. Родители Салли, возможно, не хотели иметь никаких дел с Оливией, но девушка с удовольствием была готова послушать и рассказать какие-нибудь забавные истории про сестру. Они несколько вечеров провели вместе, вспоминая Салли, но Оливия все время чувствовала, что хоть Иззи внешне и копия сестры, на самом деле она другая, и это заставляло ее еще больше ощущать утрату. Она поняла, что насильно дружбу не создашь, как бы этого ни хотелось всем.

– Да, мы немножко поболтали... – Теперь Уэзли старается говорить небрежным тоном. – Кстати, когда ты тут заканчиваешь? Могли бы в паб сходить...

– Около пяти.

– Слушай, Лив, хотя бы изобрази энтузиазм. – Он смеется и проводит рукой по ее лицу. На секунду в его глазах читается незащищенность. – Знаю, что сейчас трудное время. Но

я же люблю тебя, я на все для тебя готов.

– Я знаю. – Она ковыряет бетон носком ботинка.

– Я просто хочу заботиться о тебе.

Ей не нужна забота. Она взрослая, а все относятся к ней, как к ребенку. Но без него она не выжила бы. Правда, трудно разобраться в своих чувствах – любит она его или просто считает себя обязанной...

– Я знаю, мы оба не хотим детей...

Оливия с удивлением поднимает на него глаза.

– Ой! Не слишком ли серьезный разговор для вторника?

Уэзли смеется. У него большой рот. Ей кажется, что он великоват для него. Иногда рот делает его лицо счастливым, но тут же – мрачным.

– Я просто думаю: может, нам пора уже что-то предпринять? Надо жить вместе. Я смогу ухаживать за тобой. Я нужен тебе, Лив. А мне нужна ты. Мы бы были отличной парой.

– Мы и так отличная пара.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Ты могла бы переехать ко мне. Избавиться от... – Он кивает в сторону конторы, куда ушла мать Оливии.

Хочет ли она уехать от матери? Они всегда были вместе, и Уэз с ней умеет ладить. Да и дом достаточно большой, чтобы не мешать друг другу. Она будет чувствовать себя виноватой, если оставит мать одну. Не говоря уж о том, что ненавидит убогую квартирку Уэзли...

– А как же мама?

– С ней все будет в порядке. Она сильная. Ты же по-прежнему останешься здесь работать. Каждый день будете встречаться...

– Можно я подумаю?

– Почему тебя это удивляет? Мы вместе уже двадцать лет.

Но Оливия действительно удивлена. Почему он предложил это именно сейчас?

12

Чародей

Деррек с широкой улыбкой приветствовал всех. Стейс не верила собственным глазам – какая роскошная вилла! Похожа на дворец: мраморные полы, широкая лестница, две ванные комнаты, сами ванны огромные, как бассейны, кухня с современным оборудованием... Комнаты смотрели на реку, а за домом отыскался сад, спрятанный от посторонних взглядов экзотическими деревьями и кустарниками. Хотя Деррек сказал, что соседние виллы пустуют. Посреди газона – овальная бассейн и терраса с навесом и барбекю.

– Как Деррек все это содержит? – прошептала Стейс, после того как им показали их комнаты.

– В Таиланде все намного дешевле, – ответил Джон-Пол, раскладывая одежду по ящикам полированного деревянного комода. – И у него сейчас хорошая работа. Банковские инвестиции. Наконец-то он остепенился.

– Девушка есть?

Он поднял глаза от одежды и с удивлением посмотрел на нее.

– А что? Интересуешься? – Джон-Пол засмеялся. Он был вполне уверен в Стейс и не ревнив. Слишком уверен, как порой казалось ей самой. Иногда неплохо и слегка поревновать... В любом случае, повода у него нет. Правда, в последнее вре-

мя у них дела шли не очень гладко, но неожиданный отпуск подвернулся как нельзя кстати.

– Раз уж ты заговорил об этом, все выглядит немного казенно, – сказала она, распаковывая новый купальник.

Джон-Пол засмеялся.

– Казенно!.. Как будто ты что-то в этом понимаешь.

– Сужу по фильмам, – она игриво шлепнула его по руке.

Стейс не могла отделаться от ощущения, что вилла не выглядела как дом, в котором живут. Казалось, Деррек снял ее на несколько недель, чтобы произвести впечатление. Не хватало уюта. Каких-нибудь ваз с цветами, приятных глазу мелочей... На стенах не было никаких фотографий или картин... Ничего, что указывало бы на личные пристрастия хозяина. Ей казалось, что обе соседние виллы выглядят точно так же.

Тем не менее она уже здесь. Позади остались ужасные двенадцать часов полета и дорога из аэропорта. Стейс намеревалась расслабиться и получить удовольствие. Вокруг красота и, слава богу, кондиционер и прочие современные удобства. Ханна, Леони и Мэгги были правы. Это праздник жизни. Когда еще представится случай пожить в таком замечательном месте?

Мэгги и Мартин ворвались в комнату, обнимая друг друга и хихикая.

– Вот это да! – воскликнула Мэгги; ее карие глаза блестели от возбуждения. – Ты видел ванную? Она больше, чем

вся моя квартира!

– Другище, я тебя расцеловал бы за это, – воскликнул Мартин, обнимая Джон-Пола за шею и делая вид, что целует его в щеки.

Стейс страшно радовалась тому, что ребята так легко приняли его в свою компанию. Она знала, что Джон-Пол до сих пор считал, что надо как-то самоутвердиться, но на самом деле в этом не было необходимости.

– Без тебя мы никогда не смогли бы поехать в такое место.

– Да ладно, отвали, – Джон-Пол со смехом оттолкнул его. – А для чего еще нужны друзья? И уж если на то пошло, надо благодарить Деррека, а не меня. – Щеки его порозовели. – Это была его идея.

– Да, точно, – раздался голос в дверях. Там, прислонившись к косяку, стоял Деррек. Рубашка растягнута, демонстрируя золотистый загар. Шляпу он уже снял и зачесал назад волосы, открыв поразительно синие глаза. Его красота обезоруживала. Стейс с неудовольствием ощутила некий холодок в желудке. Она могла поспорить, что он неотразим для женщин. – Служанка уже занимается барбекю.

– У вас есть прислуга? Вот это да! – вырвалось у Мэгги.

– Она неотделима от виллы, – небрежно бросил Деррек.

Его богатство было настолько не похоже на их жизнь дома: с маленькими квартирками, скудными средствами.

Стейс стало любопытно, завидует ли Джон-Пол. Сама она не могла не почувствовать некоторую зависть.

— Джей-Пи, — Деррек вошел в комнату, — ты составишь мне компанию? Я хотел кое-что забрать у своего старого приятеля. Сходишь со мной? — Он говорил, а глаза будто ощупывали ее. Весьма недвусмысленно.

Джон-Пол бросил взгляд на Стейс и сказал:

— Конечно, с удовольствием. — Он вышел вслед за Дерреком, подмигнув ей через плечо, но Стейс почувствовала некоторое напряжение, которого не было до прихода его друга.

— Жду на улице через десять минут! — крикнул Деррек. — Скажи остальным.

— Да, — сказала Мэгги, когда они вышли. — Нормально Деррек устроился...

— Ага, — поддержал Мартин, убирая чемоданы так, чтобы можно было расположиться на кровати рядом с Мэгги. — Ты о нем что-нибудь знаешь?

Стейс продолжала развешивать оставшуюся одежду в огромный шкаф.

— Немного. Джон-Пол говорит, что в детстве он жил в Австралии, хотя его мама англичанка. Они познакомились, когда Джон-Пол путешествовал по Вьетнаму. Ему двадцать семь и... — она пожала плечами, — вот, собственно, и все.

— Хм, — Мэгги в задумчивости закусила губу. — Он вроде ничего, знойный... — Мартин бросил на нее игривый взгляд, и

Стейс почувствовала, что краснеет.

– По-любому, – Мэгги прыгнула с кровати, – давай заканчивай с вещами. Пошли, Март. – И она за руку вывела своего парня из комнаты.

Закончив распаковываться, Стейс отправилась в сад. Она чувствовала запах барбекю, спускаясь по мраморной лестнице. В животе урчало. Она не ела с тех пор, как их покормили в самолете. Когда она была уже в дверях, до ее слуха долетел разговор на повышенных тонах. Она остановилась, рука застыла на дверной ручке.

– Если б знал, я никогда на фиг не согласился бы приехать!

– Да ладно тебе! Сам знаешь: халявы не существует, – это был голос Деррека.

Стейс затошнило от накатившего ужаса.

– Я думал, что мы можем оставить прошлое в покое...

– Мы и оставили! – Деррек звучал гораздо радостнее Джон-Пола. – Но ты мне должен.

– За Гоа, полагаю.

Кровь прилила к лицу Стейс. Что Деррек имел в виду? Почему Джон-Пол у него в долгу?

– Это всего одно дело, – заискивающе сказал Деррек, – пожалуйста, дружище...

– Не знаю... Что я скажу остальным?

– Что мы встречаемся со старым другом, не...

Она не расслышала конец предложения: его заглушили

Грифф и Леони, спускавшиеся по лестнице. За ними шли Ханна и Тревор. Стейс отошла от двери.

— Эй! — крикнул Грифф, хлопнув ее по спине так, что она закашлялась. — Выпьем, что ли? Чувствую, пахнет барбекю.

Дверь открылась, за ней стоял бледный Джон-Пол. Стейс заметила, что тот не смотрит ей в глаза. Он взял ее за руку и повел по коридору. Смешки Леони и Ханны еще больше нагнетали обстановку. Ей не надо было оборачиваться, чтобы понять — они флиртуют с Дерреком.

Они прошли к патио через огромную кухню. На улице по-прежнему царила липкая жара. Небо приобрело красивый золотисто-розовый оттенок. Стейс охватила дрожь. О чем говорили Деррек и Джон-Пол? Что произошло на Гоа? Она вдруг поняла: у этих двоих было общее прошлое, о котором никто ничего не знал...

13

Дженна

Я включаю ноутбук и гуглю «сержант Дейл Крауфорд». К счастью, вай-фай работает, хоть и не очень четко. Как только я дописываю имя, на экране появляется фотография. Парень лет тридцати с усталыми светло-кариими глазами и не очень аккуратной стрижкой. Статья в *«Гардиан»* повествует, что благодаря ему раскрыто старое преступление – когда-то в Девайзис, в собственном доме, была задушена пожилая пара. Еще в одной статье о нем отзываются как о «восходящей звезде криминалистики», подробно рассказывая о делах, в основном старых, которые он расследовал. По большей части это или убийства, или исчезновения. Смотрю на часы. Почти половина четвертого. Надо поторопиться, если я хочу успеть навестить Ральфа Миддлтона. Это надо сделать до наступления темноты.

В этот раз я одеваюсь более предусмотрительно – ярко-желтые резиновые сапоги, непромокаемый плащ, джинсы и теплый свитер. Бренда говорила, что вагончик Ральфа недалеко от моего дома. Надеюсь, я сумею найти его, не заблудившись.

Открываю входную дверь и с содроганием думаю об останках животного на крыльце, но там, к счастью, ничего нет. Дождь прекратился. В лесу висит легкий туман и воздух

очень влажный. Я вдыхаю аромат мокрой земли и хвои, пытаюсь сообразить, в какую сторону двигаться. Вижу тропинку, петляющую между деревьями. Она проходит мимо домика, откуда вчера вечером вышел человек с немецкой овчаркой. Надо, наверное, идти туда. Вешаю сумку на плечо, невольно сутулясь из-за ветра, дующего в лицо. В кармане на всякий случай держу баллончик с газом. Грязь хлюпает под ногами, когда я направляюсь к соседнему дому. Подхожу ближе и вижу название – «Фоксглоув». Внутри никаких признаков жизни. Иду по следам, отпечатанным в грязи. Дорожка поворачивает вправо. Слева, из-за деревьев, выглядят еще два домика.

По мере углубления в лес сердце начинает биться чаще. Дорожка неровная, зеленая крыша из древесных крон прикрывает от возобновившегося дождя. Слышу, как капли стучат по листьям. Я словно очутилась в каком-то другом мире. Ветер приносит запах дыма, пахнет костром. Я пробираюсь дальше. Надеюсь, я не заблудилась и в конце концов выйду к вагончику Миддлтона.

Проходит еще минут десять. Я уже не так уверена, что иду, куда надо, но внезапно оказываюсь на поляне и даже замечаю источник дыма. У тлеющего костра стоит обшарпанный вагончик. Окно занавешено рыжими неопрятными шторками, вокруг ржавчина. Видимо, это то, что я ищу. В раскачивающихся деревьях зловеще завывает ветер. Зеленой крыши над головой больше нет. Я подхожу к костру. Пламе-

ни не видно, только черные деревяшки. Рядом стоит старый складной стул, ткань на нем порвалась и местами висит на металлической раме.

Останавливаюсь, затаив дыхание. Из вагончика доносится разговор на повышенных тонах. Пока я раздумываю, постучать или нет, дверь широко распахивается, и я еле успеваю отскочить в сторону, чтобы меня не сшибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.